

Гранд-отель «Европа»

Автор:

Илья Леонард Пфейффер

Гранд-отель «Европа»

Илья Леонард Пфейффер

МИФ Проза Романы МИФ. Книга-явление

Грандиозный роман с откровенной любовной историей о стареющем континенте – Европе, варварском туризме, поиске шедевра Караваджо и писательстве.

Расставшись с любимой женщиной, писатель Илья Леонард Пфейффер приезжает в легендарный гранд-отель «Европа», который всегда давал гостям возможность проникнуться атмосферой старого континента. Он хочет воссоздать роман об утраченной любви. Но что-то идет не так. Новый владелец отеля – предприимчивый китаец – меняет «Европу» буквально на глазах.

Писатель с отвращением смотрит на толпы окружающих его туристов. Бесцеремонные и недалекие, они наматывают километры по модным маршрутам ради очередного селфи, совсем не разбираясь в искусстве и истории.

Избранница Пфейффера Клио – полная им противоположность. Искусствовед, посвятившая многие годы творчеству Караваджо, она умна, темпераментна и желанна. Еще недавно они придумали непростую «игру» и отправились на поиски последней картины художника. Но отношения, увы, закончились, и теперь их разделяют тысячи километров.

Сейчас Европа живет прошлым. Пфейффер язвительно замечает в ней все новые перемены, отказываясь признавать, что и сам недалеко ушел от типичных ее представителей, и с осторожностью размышляя о будущем.

Для кого эта книга

Для тех, кто любит истории в духе «Отель „Гранд Будапешт“».

Для тех, кому понравилась детективная линия «Код да Винчи» Дэна Брауна.

Для читателей романов, без которых невозможно представить современную литературу – от «Дома, в котором» до «Щегла» – а также книг, заметная роль в которых отводится писателям.

Для тех, кто захочет путешествовать по Италии вслед за главным героем, наблюдая, как старый континент заполняют толпы туристов.

Для тех, кому понравился фильм Паоло Соррентино «Великая красота».

На русском языке публикуется впервые.

Илья Леонард Пфейффер

Гранд-отель «Европа»

Ilja Leonard Pfeijffer

Grand Hotel Europa

This book was published with the support of the Dutch Foundation for Literature.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2018 by Ilja Leonard Pfeijffer

Original title Grand Hotel Europa

First published in 2018 by De Arbeiderspers, Amsterdam

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Стелле

Глава первая. Миссия

Первым, с кем я заговорил по прошествии долгого времени, если не считать пары дежурных фраз, которыми я перебрался с хмурым таксистом в начале и в конце поездки, был худощавый смуглый юноша в ностальгической красной униформе коридорного. Я заметил его еще издали, когда такси, похрустывая шинами по гравии меж платанами, начало приближаться к конечному пункту длинной подъездной аллеи. Он сидел на мраморных ступеньках крыльца перед входом, обрамленным коринфскими колоннами, под золочеными буквами, составлявшими название «Гранд-отель “Европа”», и курил. Намереваясь помочь мне с багажом, он поднялся. Сожалея, что мой приезд прервал его перекур (а так оно и было), я сказал ему, отпустив такси, что багаж может подождать, что я проделал дальний путь и тоже не прочь выкурить сигаретку. Угостив его Gauloises Brunes без фильтра из голубой пачки, я дал ему прикурить от своей Solid Brass Zippo. На кепи коридорного золотыми нитями было вышито: «Гранд-отель “Европа”».

Мы сели и несколько минут безмолвно курили на ступеньках парадного входа некогда роскошного отеля, в котором я планировал временно обосноваться, как тут он прервал молчание.

– Прошу прощения за необузданное любопытство, – сказал он, – но смею ли я поинтересоваться, откуда вы?

Я выпустил дым в сторону облачка пыли – воспоминания, оставленного такси вдалеке, на кромке подъездной аллеи, переходящей в парк.

– На этот вопрос можно дать несколько ответов, – сказал я.

– Я бы с превеликим удовольствием выслушал все. Но если это отнимет у вас много времени, то выберите самый красивый из них.

– Основная причина, по которой я сюда приехал, заключается в том, что я надеюсь найти здесь время для ответов.

– Простите, что побеспокоил вас при выполнении столь важной миссии. Мне надлежало бы усвоить, что мое любопытство зачастую в тягость гостям, как утверждает господин Монтебелло.

– Кто такой господин Монтебелло? – спросил я.

– Мой босс.

– Консьерж?

– Он ненавидит это слово, хотя ему нравится его этимология. Он говорит, что оно происходит от французского *comte des cierges*, граф свечей. Все, чему я научился, я, по сути, обязан господину Монтебелло. Он мне как отец.

– Как тогда лучше его называть?

– Он метрдотель, но предпочитает титул мажордома, поскольку в нем содержится слово «дом», и, стало быть, по его мнению, наша главная задача – сделать так, чтобы гости отеля позабыли, какое место они считали своим домом до того, как оказались здесь.

– Венецию, – сказал я.

Стоило мне произнести название этого города, как мне на брюки просыпался пепел от сигареты. Он заметил это и, прежде чем я успел возразить, снял белую перчатку, чтобы тщательно отряхнуть ею мою штанину. У него были худые смуглые руки.

– Спасибо, – поблагодарил его я.

– Что такое Венеция? – спросил он.

– Место, которое я считал своим домом до того, как оказался здесь, и самый красивый ответ на твой предыдущий вопрос.

– Какая она, Венеция?

– Ты никогда не был в Венеции? – спросил я.

– Я никогда нигде не был, – сказал он. – Только здесь. Вот почему, к неудовольствию господина Монтебелло, у меня выработалась привычка докучать нашим гостям своим любопытством. Я пытаюсь увидеть мир через их

истории.

– Какое же место ты считал своим домом, прежде чем приехать сюда?

– Пустыню, – ответил он. – Но господин Монтебелло помог мне забыть о пустыне. Я благодарен ему за это.

Мой взгляд скользнул по территории отеля. Колоннада заросла плющом. Одна из высоких глиняных ваз, в которой клубилась бугенвиллея, треснула. Гравий перемежался сорняками. Веяло безмятежностью. Или, точнее сказать, смирением. Точно так же примиряются с ходом времени и разного рода потерями.

– Венеция осталась в прошлом, – вздохнул я. – Надеюсь, что господин Монтебелло поможет и мне забыть о ней.

Я затушил сигарету в цветочном горшке, служившем нам пепельницей. Он сделал то же самое и вскочил, дабы позаботиться о моем багаже.

– Спасибо за компанию, – сказал я. – Можно спросить, как тебя зовут?

– Абдул.

– Приятно познакомиться, Абдул. – Я представился. – Пойдем внутрь. Пусть все начинается.

2

Даже если бы меня не предупредили о существовании мажордома, он при всем желании не смог бы остаться незамеченным. Стоило мне переступить порог его крепости и святилища, как он, пританцовывая, устремился мне навстречу. Он приветствовал меня с такими почестями, пируэтными и арабесками, что сомневаться не приходилось: передо мной – профессионал.

Он заранее выучил наизусть мое имя и тонко намекнул на свою осведомленность о том, что я именую себя писателем. Участливо интересуясь, не слишком ли

утомительным был мой долгий вояж, он с ловкостью фокусника незаметно извлек откуда-то щетку для одежды, чтобы привести в порядок плечи моего пиджака, и не преминул при этом похвалить покроем костюма. Словно чувствуя ответственность за все мироздание, он извинился за подозрительность, присущую современному обществу, обязывающему его соблюдать определенные формальности, которые, впрочем, по его заверению, вполне могли подождать, пока я не приду в себя после путешествия.

Когда я сказал, что, к сожалению, еще не знаю, сколь долго намерен здесь пробыть, и надеюсь, это не составит большой проблемы, он развеял мое беспокойство элегантным взмахом руки и поклялся в том, что иметь возможность считать меня гостем – это честь для заведения и удовольствие для него лично и что он лишь горячо желает, чтобы радость эта длилась бесконечно. Затем он наклонился ко мне и доверительным шепотом произнес, что положительно не хотел бы иметь привычку вмешиваться в чужие дела, но сейчас не в силах с собой совладать, поскольку заметил, что моя левая запонка ненадежно застегнута, и он себе не простит, если вследствие его деликатности я ее потеряю.

Он спросил дозволения сопроводить меня до специально подготовленного к моему приезду номера люкс. И выразил уверенность, что этот номер придется мне по вкусу, но если я обнаружу малейшие несовершенства, то он лично позаботится о том, чтобы все мои особые пожелания были незамедлительно исполнены. Он взял на себя смелость доставить в номер прохладительные напитки и легкую закуску. Не угодно ли мне проследовать за ним?

Господин Монтебелло, мажордом гранд-отеля «Европа», повел меня из вестибюля, где находились стойка регистрации и помещение для персонала, через высокие дубовые двери в просторное фойе с мраморными колоннами, откуда на верхние этажи поднималась массивная лестница. Он скользил по коврам с длинным ворсом точно фигурист, с легкостью разворачиваясь ко мне лицом, чтобы ответить на мои вопросы или поделиться любопытными подробностями, и, не сбавляя скорости, продолжал движение задним ходом. Если бы время от времени он не исполнял пируэт, чтобы дать мне возможность его нагнать, я бы с трудом за ним поспевал. Абдул с багажом следовал за нами.

– Слева у нас здесь библиотека, – сказал мой проводник, – а за ней – Зеленый зал и Китайская комната. В другом крыле расположены гостиная, зал для завтраков и наш скромный ресторан, в котором я забронировал для вас постоянный столик

у окна с видом на перголу, розарий (или то, что от него осталось) и мерцающий за ними пруд. Фонтан, увы, вот уже несколько лет как вышел из строя, но смею вас заверить, что наш повар сделает все от нее зависящее, дабы сгладить это досадное недоразумение и настроить вас на благодушный лад.

В фойе висела фантастическая, захватывающая дух старинная люстра.

– Одна из наших жемчужин, – сказал мажордом, от чьего внимания не ускользала ни одна деталь, в том числе и мой интерес к люстре. – Только весьма прихотливая в обиходе вещица. Вы обратили внимание на портрет над камином? И наверняка узнали выразительно благородные черты Никколо Паганини. Я первым соглашусь с вами, если вы возьметесь утверждать, что по уровню живописи эта картина далеко не шедевр. Она создана достойным, но не столь именитым мастером, который даже при жизни не прославился тем, что опережал свое время. Тем не менее мы очень ею дорожим, потому что она была написана с натуры прямо здесь, в нашем отеле, где на пике славы скрипач-виртуоз останавливался проездом по пути к овациям и фурору в великих монарших дворах Европы. Предание гласит, что в этом фойе он по собственному желанию продемонстрировал свое искусство в знак признательности за превосходный *steak aux girolles*, который ему здесь подали. Это блюдо, переименованное с тех пор в «стейк Паганини», и по сей день является гордостью нашего меню. К сегодняшнему ужину мне было бы сложно порекомендовать вам нечто более изысканное.

Слева от камина висела акварель небольшого размера и скромных художественных достоинств с изображением площади Сан-Марко в Венеции. Я слегка опешил, увидев ее. Уверен, что мажордом заметил мою реакцию, но ничего не сказал, не воспользовавшись случаем процитировать Вергилия[1 - «Боль несказанную вновь испытать велишь мне...» Вергилий. Энеида. Кн. II. Пер. С. А. Ошеров. Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.]. Перила мраморной лестницы были украшены скульптурами мифических зверей: слева – химерой, справа – сфинксом.

– Наши гости могут спать спокойно, зная, что их номера должным образом охраняются, – сказал Монтебелло. – Чтобы подняться на верхние этажи, им следует пройти между гибридной формой проявления страха и коварным мурлыканьем загадывающей загадки киски, воплощающими, соответственно, не совсем оправданную самооценку мужчины и сущность женщины, если позволите развлечь вас своим дилетантизмом по части символики. Один из наших

высокопочтимых гостей однажды сказал мне, что, по его мнению, задача этих чудищ не в том, чтобы не впускать посторонних, а в том, чтобы помешать гостям добраться до выхода. С тех пор как он это сказал, прошли годы, и он все еще здесь. Его зовут господин Пательский. Вы еще с ним познакомитесь. Полагаю, вы оцените его компанию. Он выдающийся ученый.

Вверху, на лестничной площадке, стояла громоздкая ваза с искусственными цветами.

– Знаю, – сказал мажордом. – Я таил тщетную надежду, что вы не заметите. Настоятельно призываю вас проявить великодушие и принять мои глубочайшие извинения. Это выбивающееся из ансамбля украшение – досадное проявление излишнего энтузиазма нового владельца.

– У отеля поменялся владелец? – спросил я.

– Гранд-отель «Европа» перешел в руки китайцев. Нового хозяина зовут господин Ванг. Это событие свершилось недавно, так что пока еще рано судить о последствиях. Господин Ванг решительно заявил о своем намерении вернуть отелю его бывшее величие, используя для этого финансовые возможности, которыми, как представляется, он располагает. Вы наверняка обратили внимание, что кое-где требуется ремонт. Да и гостей у нас ныне не так много, как прежде. Господин Ванг собирается исправить это положение вещей. Он стремится к максимальной заполняемости. Обо всем этом я склонен судить положительно. С другой стороны, подобная ваза с искусственными цветами вызывает сомнения в приверженности нового владельца нашим традициям. Однако мне не хочется утомлять вас своими заботами. Вот мы и пришли. Пожалуйста в приготовленный для вас номер 17 класса люкс. Единственное, с чем вам следует считаться, – это французские двери на террасу, которые не закрываются должным образом. В случае сильного ветра советую прислонить к ним стул. А сейчас я оставляю вас в покое, чтобы вы смогли переодеться и восстановить силы. Если вам что-то понадобится, достаточно дернуть за шнурок колокольчика, висящего рядом с дверью. Желаю вам приятного пребывания в гранд-отеле «Европа».

Роскошно. Мой люкс был роскошным не потому, что представлял собой безукоризненный гостиничный номер, а как раз потому, что таковым не был. Он воплощал в себе не очередной бездушно-рациональный проект дизайнера интерьера, а обреченно вздыхающее, пышное изобилие следов богатого исторического прошлого. Соседствующие в нем убранства самых разных эпох в изумлении созерцали друг друга.

Бордовое кожаное кресло «Честерфилд» в прихожей располагалось бок о бок с обитым темно-розовым бархатом стулом в стиле Людовика XV с мотивом из роз и примерно такого же цвета подставкой для ног рядом с декоративным столиком восемнадцатого века, отделанным ажурной резьбой. На столе в углу помещался массивный бакелитовый радиоприемник с посеребренным частотным регулятором, на котором были выгравированы названия радиостанций предвоенного времени. С подходящим трансформатором его, вероятно, еще можно было бы вернуть к жизни. Только теперь он передавал бы совсем другую музыку. В спальне доминировала чудовищная кровать неопределенного исторического периода с четырьмя позолоченными колоннами в египетском стиле, на которых покоился балдахин из темно-красного бархата с вышитыми на нем золотыми звездами. Кто знает, сколько вздохов и нашептанных секретов таилось под этой звездной пылью? В ванной комнате с габаритным зеркалом в позолоченной раме рядом со старинной эмалированной ванной на бронзовых ножках в форме львиных лап с явным нежеланием была установлена современная душевая кабина.

Складывалось впечатление, что многие предметы оказались в номере по воле случая: старые книги, медный колокольчик, тяжелая пепельница в виде половины небесного свода, удерживаемой на плечах Атласа, череп мыши, всяческие письменные принадлежности, монокль в футляре, чучело сипухи, каттер для сигар, компас, варган, кукла ваянг, латунная ваза с павлиньими перьями, сифон, деревянный монах, служивший для колки орехов. Неясно, призваны ли они были вписываться в некую единую декоративную концепцию либо составляли элементы нескольких разнородных замыслов по обустройству интерьера, реализованных по ходу истории лишь наполовину, без того чтобы их авторы удосужились устранить результаты аналогичных попыток своих предшественников, или же то были вещи, забытые прежними постояльцами, по сей день не убранные горничными из философских соображений, что история формирует настоящее вследствие рассеянного накопления случайных осадочных отложений, не подлежащих упразднению.

Одобрительно проведя рукой по золоченым панелям, почувствовав на ощупь толщину ткани тяжелых охристых портьер и отодвинув стул, дабы открыть французские двери на террасу с видом на розарий (или то, что от него осталось) и пруд с недействующим фонтаном, я подумал, что у меня еще будет достаточно времени для подробного описания этого номера. Здесь было хорошо, если не идеально, и я не видел причины, почему бы не остаться в отеле до тех пор, пока не решу, куда двигаться дальше.

Дорогой широченный письменный стол из эбенового дерева, элегантно инкрустированный более светлыми породами древесины, поставленный перед окном у французских дверей на террасу, в паре со скромным, но добротным и удобным деревянным стулом тридцатых годов я заметил сразу по приходе. Еще до того, как развесить в шкафу спальни костюмы и рубашки, я исполнил ритуал по разметке стола в качестве своей личной территории. Слева сложил в стопку привезенные с собой чистые тетради, рядом разместил перьевую ручку и любимые черные чернила, которые всегда должны были быть под рукой. Вынув из чехла макбук, я установил его на правой стороне стола и подключил к розетке.

Ведь я приехал в гранд-отель «Европа» не для того, чтобы тоскливо коротать время посреди увядшей роскоши и угаснувшего великолепия в пассивном ожидании момента, когда на меня вдруг снизойдет спасительное озарение, похожее на лепесток цветка, упавший из пожелтевшего букета. Этого озарения я хотел добиться собственным трудом, а значит, надо было приниматься за работу. Мне требовалось навести порядок в воспоминаниях, преследовавших меня будто рой разъяренных пчел и блокировавших мою мысль. Если я действительно хотел забыть Венецию и все произошедшие там события, мне следовало для начала как можно точнее восстановить их в памяти. Тот, кто не вспомнит всего, что стремится предать забвению, рискует позабыть выкинуть из головы определенные вещи. Мне надлежало все записать, хотя я понимал, что потребность излить душу «боль несказанную вновь испытать велит», выражаясь словами Энея, обращенными к Дидоне. Тем не менее, чтобы подвести итог, я должен был изложить свою исповедь на бумаге. Не бывает предназначения без ясности о происхождении, и нет будущего без внятной версии прошлого. Мне легче думается с ручкой в руке. Чернила проясняют ум. Только записав то, что случилось, я способен восстановить контроль над своими мыслями. С этой целью я сюда и приехал.

Откладывать выполнение означенной миссии в долгий ящик не имело смысла. И делу бы конец, и с плеч долой[2 - Уильям Шекспир. Макбет. Пер. Б. Пастернака.]. Я наметил для этого следующее утро.

А пока я зашел в спальню и упал на фривольную кровать с балдахином. Она восторженно отозвалась, задорно пружиня подо мной, как умеют пружинить только гостиничные кровати. С чего же мне начать свой рассказ? Логичнее всего было бы начать с начала. Я глядел на звезды в темно-красном небе у себя над головой. Начало может подождать, решил я. Перво-наперво стоит вспомнить тот момент, когда я был окрылен самыми радужными надеждами. Так же как осуществление моей миссии началось с прибытия в гранд-отель «Европа», реконструкция моих воспоминаний откроется прибытием в Венецию. Я увидел перед собой тонущий город, ощутил приливную волну прошлого и погрузился в глубокий сон.

Глава вторая. Обетованная площадь

1

В Венецию каждый раз приезжаешь как в первый. Несмотря на то что я был здесь частым гостем, небрежно бросавшимся на званных вечерах громкими именами Тициана и Тинторетто, несмотря на то что с видом бывалого путешественника я продолжал читать газету, когда огненно-красный скоростной поезд, везущий меня из Местре к старому городу, многозначительно замедлил ход, и что я намеревался практически подойти к своему прибытию, отложив любое возможное душевное смятение до тех пор, пока окончательно не устроюсь, у меня все-таки на секунду перехватило дух, стоило мне выйти со станции и увидеть хрупкое пастельное клише города, беззаботно и обманчиво невинно представшее предо мной на зеленой воде.

Венеция взглянула на меня с улыбкой возлюбленной, ждавшей моего возвращения. За все эти столетия, терпеливо проведенные ею у окна, она стала спокойнее и красивее. Позвякивая драгоценностями, она раскрыла мягкие, теплые руки для долгожданных объятий, которые были судьбой и предназначением, и хихикнула, потому что все наконец обрело смысл. Шепча о

вечности, она знала, о чем говорит. У нее было довольно нарядов для всех праздников, которые ждали нас впереди.

Для встречи с любимым человеком нет города лучше Венеции. Клио пустилась в путь раньше меня. Мы разделили обязанности. Пока я занимался уборкой старого жилья и улаживал последние формальности с его владельцами, она отправилась в Венецию обустраивать наш новый дом и встречать грузоперевозчиков. Вещей у нас было немного. По преимуществу ее книги. Когда-то я пошутил, что у нее тяжелая профессия. Искусствоведческие труды приобрели большой вес – и эту шутку она уже слышала. По телефону она сообщила, что переезд прошел благополучно. Она начала распаковывать коробки. Она меня ждала. Она меня любила.

Где-то за этими манящими фасадами во вздыхающей усыпальнице города вилась улочка под названием калле Нуова Сант-Аньезе, которую мне предстояло отыскать, чтобы увидеть Клио в рабочей майке и спортивных брюках, с длинными темными волосами, для удобства собранными в пучок, и, возможно, с каплей краски на носу, как в телерекламе для счастливых молодоженов, среди коробок в доме, полном радости и обещания жизни. Сегодня вечером она наденет свое бальное платье, чтобы под руку со мной прошелестеть по площадям, переулкам и черным каналам навстречу приключениям, с блеском добавив еще одну восхитительную главу в раскатистую историю города, словно прибывающая вода, обрекающая его на безысходность.

2

Я приехал налегке. Все свои вещи я отправил с перевозчиком. Я был рад пройтись от станции пешком. В поезде у меня была уйма времени, чтобы при помощи мобильного телефона выучить наизусть маршрут от вокзала до калле Нуова Сант-Аньезе. Однако возможностей сбиться с пути было предостаточно. В других обстоятельствах я бы охотно ими воспользовался, но сейчас предпочитал целенаправленность. Я хотел увидеть Клио.

По высоким ступенькам я, как на алтарь, вошел на мост Скальци. Переправа через Гранд-канал – это торжественная месса, до строительства нового моста служенная лишь в трех местах. Облокотившись на мраморные перила, я обозревал внизу сутолоку на бирюзовой воде, которая была скорее аортой, нежели препятствием. Канал в форме небрежной буквы S в зеркальном

отражении был намалеван на карте города пьяным архитектором, садистски расхохотавшимся, обнаружив, что его творение сделало город почти непроходимым для фланировавшей в атласных туфлях знати, и лишь на следующий день, уже на трезвую голову, осознавшим, что совершенно случайно создал великолепный водный путь, грациозно и неторопливо соединяющий все части города.

Да, и гондолы, они тоже сразу бросились мне в глаза, хотя я и не подготовился ко встрече с ними. Они были больше, чернее и подлиннее, чем на картинках. В конце концов, нелепо, что в двадцать первом веке по-прежнему существуют подобные штуковины, чудесным образом воскрешенные для туристов, точно доисторические водоплавающие птицы. Впрочем, в Венеции нельзя говорить об анахронизмах. В этом городе, никоим образом не приспособленном для продуктивности, спешки или полезности, анахронизмом была сама современность. Время здесь погрузилось в меланхолию и ностальгию по мечте о тени звонкого прошлого.

Велико было искушение пройти прямо по калле Лунга, ведущей как раз в том направлении, где сейчас находилась Клио, однако в городе, движущемся в никуда, направление мало что значит. Судя по карте, я мгновенно запутался бы в двориках и закоулках, словно бык в красной тряпке. Не стоило исходить из того, что в Венеции был некий уличный план. Застройка здесь вряд ли велась по принципу целесообразности: на четко размеченных участках, вдоль удобных магистралей. Аристократия прошлых веков заплонила остров роскошными палаццо, и возникшие между этими чудесами света щели стали служить улицами. Перемещаясь с места на место, ты постоянно вынужден был считаться с эксгибиционистской демонстрацией любви к этому городу прежних горожан.

Нелогичным, на мой взгляд, образом мне пришлось проследовать в обратном направлении по противоположной стороне Гранд-канала, чтобы свернуть налево, на Фондамента-дей-Толентини, набережную канала Рио-де-ла-Кацциола-э-де-Ка-Рицци. Музыка этих названий сопровождала меня в пути. Я шел мимо фасадов, отделанных мраморным кружевом. В воде отражались деревянные причальные столбы. И хотя все, что я видел, стояло здесь уже веками, оно производило впечатление зыбкости, словно то был мираж, возникший на море и готовый рассыпаться при малейшем дуновении ветерка, превратившись в беспорядочные воспоминания на миллионах фотографий.

На стене у игрушечной лестницы перед мостом, ведущим к узкой мостовой вдоль Рио-де-ла-Кацциола э-де-Ка-Рицци, висел броский желтый указатель, согласно которому площадь Сан-Марко и мост Риальто одновременно находились там, куда я держал путь, и там, откуда я пришел. Я очутился в волшебном мире, где пункт отправления и пункт назначения стали взаимозаменяемыми понятиями. Что меня необычайно развеселило.

Свет обыкновенно подобен воздуху в том смысле, что за его неимением как никогда возникает соблазн задуматься о его важности. Здешний свет казался рукотворным, как венец архитектуры, как лист сусального золота на скульптуре или как любовно нанесенный слой лака поверх собственного автопортрета. Впрочем, эти сравнения слишком статичны, ибо местный свет пребывал в постоянном движении, будто неотступно гнался за тенями.

По другую сторону канала дремали обнесенные стеной сады Пападополи, куда на тайные вечеринки стекались гости в масках, являясь в огнях факелов, точно облаченные в черный плащ ночи призраки. Семья Пападополи собрала самую обширную и изысканную коллекцию произведений искусства в городе. Красота исходила завистью, вальсируя на их вечеринках. Все, что когда-то там происходило, было там и по сей день, покрытое, как прежде, мраком неизвестности.

От площади Кампо-деи-Толентини с мраморными колоннами неоклассического фасада Сан-Никола и открытыми террасами кафе мне надлежало идти прямо. Перед мостом Калле-Керериа-Дорсодуро я должен был снова свернуть налево, на Фондамента-Минотто. У поворота моему взору открылась чарующая картина. На излете канала Рио-дель-Магадзен, испещренного незатейливыми причальными столбиками из неотделанной древесины, проступала тонкая дуга моста Гафаро, оттеняющая пыльно-розовый фасад приземистого палаццо с семью высокими остроконечными окнами в белоснежных мраморных рамах, увенчанный колокольной приютившейся за ним церкви.

Следуя прямо, я вышел на улицу Салиада-Сан-Панталон, в конце которой срезал угол и повернул направо, на Кампьялло-Моска, чтобы, одолев кряду два моста, попасть на Калле-де-ла-Кьеза. Таким образом я очутился на удивительно просторной площади Кампо-СантаМаргерита, пересек ее и по Рио-Тера добрался до Понте-деи-Пуньи. С моста открывался вид точь-в-точь как на открытке с изображением архитектурных строений, воды, гондол и колоколен. Оказавшись на другой стороне канала, я свернул налево, пересек площадь перед церковью

Сан-Барнаба и, пройдя по калле Лотто, перебрался через канал Рио-дель-Мальпага на Фондамента-Толетта. После чего мне потребовалось миновать всего один канал, Рио-де-Сан-Тровазо, чтобы выйти к Галерее, прямо за которой меня ждали калле Нуова Сант-Аньезе, мой новый дом и Клио.

3

Я не собираюсь брать за правило записывать очевидности, но одна бесспорная вещь не раз меня столь радовала, что я не хотел бы оставить ее без внимания. Разумеется, я недооценил Клио. Вместо того чтобы открыть дверь в рабочей майке и спортивных брюках, она возникла на пороге (словно зная наперед, что это будет ее первое появление в моей книге) как женщина, умеющая производить впечатление, – в эффектном коротком черном платье от Эльзы Скиапарелли, с цветочным узором из белого бисера и легкомысленным воротом из белой рафии, в черных открытых туфлях «Фенди» на высоком каблуке и в длинных серебряных серьгах «Гуччи». По обыкновению, без макияжа или с едва заметным его налетом, она по случаю нашей встречи лишь накрасила губы ярко-красной помадой цвета «феррари».

– Вот, обнаружила в одной из коробок, – сказала она. – Совсем забыла, что у меня есть это платье. Как тебе? Оно так давно вышло из моды, что, по-моему, уже успело снова в нее войти. Сейчас в моде меланхолия. Прошное снова стало современным. Добро пожаловать в Венецию, Илья. Я по тебе скучала.

Она бросилась мне на шею так, будто позировала на фотосессии: приподнявшись на носок одной ноги и фотогенично согнув в колене другую ногу, она поцеловала меня в губы.

– Тебе идет, – сказала она.

– Что?

– Губная помада. Пойдем. Отпразднуем твой приезд. Дом покажу тебе позже. Для начала сходим куда-нибудь выпить.

– Куда бы ты хотела?

– На площадь Сан-Марко, разумеется.

Мы разместились на террасе кафе «Лавена». Могли бы выбрать «Флориан» или «Квадри», где нас с таким же успехом обобрали бы во имя ностальгии. Мы знали, что в этих заведениях туристическая эксплуатация известных имен и элегантного прошлого будет исполнена со вкусом и очарованием. За этим мы и пришли, равно как и за романтической иллюзией увидеть наше новое место жительства – Венецию – глазами легендарных туристов, побывавших здесь до нас, таких как Стендаль, лорд Байрон, Александр Дюма, Рихард Вагнер, Марсель Пруст, Густав Малер, Томас Манн, Эрнест Хемингуэй, Райнер Мария Рильке, и наверняка сидевших на этих самых стульях, чтобы прославить на весь мир открывающийся отсюда вид. Мы решительно заказали два спирта, зная, что они стоят восемнадцать евро каждый и что чуть позже мы непременно повторим заказ.

– Как тебе наш новый город? – спросила Клио. – Если здесь уместно слово «новый».

Я огляделся. Строгие фасады с аркадами бросали царственный взгляд в сторону собора Сан-Марко, своими куполами и округлыми формами порождавшего причудливый и почти внеземной контраст с мирской мощью, исходившей от площади. Асимметричное расположение непропорционально высокой колокольни из красного кирпича с белой мраморной галереей и зеленой остроконечной крышей создавало в рациональном, парадном пространстве несуразный контрапункт, как раз в силу своей безапелляционной дерзости и чрезмерности получившийся эффектным и элегантным. За собором взору открывалась вторая часть площади, некий скрытый сюрприз в обрамлении потустороннего Дворца дожей с двумя как бы подвешенными в воздухе и хрупкими на вид ажурными нижними этажами под массивной средневековой надстройкой и двух колонн, за которыми мостовая без каких-либо ограды, стены, дорожного знака или предупреждения переходила в воды Гранд-канала, лагуны и открытого моря. Официант балансировал серебряным подносом на кончиках пальцев облаченной в перчатку руки. Голуби водили дружбу с туристами.

– Этот город – идеальный для тебя фон, – ответил я.

– Хочешь сказать, что я старею?

– Хочу сказать, что в золотой оправе ты выглядишь еще привлекательнее.

– Тебе не кажется, что в Венеции есть что-то грустное? Площадь Сан-Марко, объективно говоря, довольно многолюдна. И в то же время она производит впечатление сиротливости и одинокости, как будто ее мысли витают где-то далеко. Главные герои уехали, история пишется в другом месте, мировую сцену передвинули, а площадь осталась, недоумевая, в чем же теперь ее назначение. Она как будто чего-то ждет, тебе не кажется?

– Она ждала нас – теперь может начаться наша история.

– Это будет история со счастливым концом?

– Хорошие истории ничем хорошим не заканчиваются, – сказал я. – Так что мы в любом случае в выигрыше. Либо сочиняем хорошую историю, либо живем долго и счастливо.

– В первом случае я хочу, чтобы ее написал ты и никто другой.

– Обещаю, что напишу о тебе только в том случае, если стану безвозвратно о тебе горевать.

Свое обещание я сдержал.

Глава третья. Пробуждение водяной нимфы

1

Анонимность и мимолетность, свойственные, как правило, пребыванию в гостинице и вызывающие смешанные чувства тоски и волнения, будто в промежутке между отъездом и возвращением домой ты очутился на ничьей земле, где в отсутствие событий как раз и может произойти все что угодно; анонимность и мимолетность, способные навести одинокого странника, скучающего в чужой постели после выпитого за стойкой лобби-бара на глазах у

стоически полирующего бокалы бармена лишнего виски, одобренного последней глупой шуткой, на мысль о том, чтобы позвонить ночному портье и осведомиться, как обстоят дела с оказанием известных услуг по просьбе клиента, – ведь это же не смертельно, и только лишний виски помешает ему снять трубку; анонимность и мимолетность здесь, в гранд-отеле «Европа», являют собой слабые отголоски современности, разворачивающейся где-то далеко, в ином мире.

Здесь полагаются не на новомодную быстротечность, а на испытанную неторопливость, настраивающую меня на длинные предложения. Подключение к интернету здесь, кстати, тоже очень медленное. Вместо анонимности в первый же вечер я обнаружил собственное имя, безошибочно выгравированное на посеребренном кольце для салфеток, которым был помечен мой постоянный столик в ресторане. Пусть и не чистое серебро, но я оценил жест. Разумеется, то был рафинированный способ удержания клиентов, ведь только из-за одного этого кольца для салфеток я бы испытал угрызения совести, если бы решил продолжить свое путешествие спустя каких-нибудь пару-тройку дней. Но я не собирался никуда уезжать, равно как и остальные гости, ни один из которых, похоже, не был здесь проездом.

С некоторыми из них я уже познакомился. Большой Грек по фамилии Волонakis был первым, кто пригласил меня к своему столику, позавчера, во время меренды, подаваемой ежедневно между четырьмя и половиной пятого в Китайской комнате. Если мне не изменяет память, звали его Яннисом. Это был габаритный, шумный, экспансивно жестикулирующий персонаж, создающий постоянную угрозу для стеклянной посуды, с толстым лицом, на котором во всю ширь могла разгуляться его светлая улыбка. Он сидел с видом человека, не пропускающего ни одного приема пищи и лучше других знающего, что хорошо для него и для всего остального мира.

По собственному почину он поведал мне, что родился на острове Крит, что там появилась на свет европейская цивилизация (и это неслучайно), что он владеет судоходной компанией и верфью в Ираклионе, где горбатится без продыху, но во благо человечества охотно тянет эту лямку, и что ему посчастливилось пережить экономический кризис, так как, в отличие от большинства конкурентов, он уже много лет назад понял, что будущее лежит за пределами Европы. Я спросил, наслаждается ли он теперь заслуженной пенсией. Он вознаграждал мой интерес гомерическим хохотом, чуть не подавившись слойкой с креветками. Я хотел было похлопать его по спине, но он меня опередил и, икая

от удовольствия, сказал, что человеку с миссией не остается ничего другого, как умереть в доспехах, и что я кажусь ему забавным. Сие заявление о понимании чувства долга вместе с остатками слойки он смыл большим глотком сладкого белого вина, в то время как я терялся в догадках, как же из этого отрезанного от мира отеля, в сотнях километров от моря, ему удастся управлять интерконтинентальной судоходной компанией, но я не осмелился расспросить его об этом, поскольку он снова отправил в рот очередную слойку. К тому же я не хотел растрачивать весь свой порох на нашу первую встречу, ибо подозревал, что мне еще не раз представится случай разузнать подробности его многочисленных успехов.

Затем он толкнул меня локтем, так, что я едва не потерял равновесие. Выразительно подмигнув, он многозначительно кивнул своей огромной головой в сторону двери, где в этот момент нарисовалась хрупкая фигура высокой худощавой женщины в длинном белом платье. У нее был надменный, снисходительный и в то же время огорченный вид, как если бы она была поэтессой, вынужденной общаться с толпой бездушной черни. «Француженка», – шепнул Большой Грек, бросив на меня красноречивый взгляд, смысл которого остался для меня загадкой.

На следующий день, то есть вчера, меня представил ей господин Монтебелло. Она и в самом деле оказалась поэтессой по имени Альбана. Неизвестно, было ли это ее настоящее имя или литературный псевдоним. В любом случае она не удостоила меня своей фамилии. Монтебелло заметил, что считает конфиденциальность священной заповедью и ни при каких обстоятельствах не поддастся бы искушению обнаружить свою осведомленность о том, что мы с ней коллеги по цеху, если бы им не двигало убеждение, что тем самым он сделает нам обоим приятное. Я сказал, что для меня большая честь с ней познакомиться. Она кивнула в знак согласия.

Теперь, когда я мог бесстыдно разглядывать стоящую прямо передо мной незнакомку, я вынужден был сделать вывод, что она не слишком красива, по крайней мере, не в том общепринятом смысле этого слова, в каком красивые женщины считаются таковыми. Она не отличалась пышными формами. Ее жилистому, сухопарому, астеническому телосложению были скорее присущи отчетливые и последовательные линии. Однако в своей бесплотной жесткости она выглядела поистине обворожительно. Ее поэзия представлялась мне бескомпромиссно экспериментальной, исполненной притягательной силы безумия затворницы, являющейся, по сути, душераздирающей и не понятой ни

одним критиком формой выражения пылающей огнем страсти.

Поскольку Монтебелло, от чьего внимания ничто не ускользало, наверняка заметил, что наш разговор не клеится, он принялся декламировать по-французски стихи, которые, судя по всему, вышли из-под ее пера. Не могу воспроизвести их дословно, к тому же, должен признать, разобрал в них далеко не все, ибо не был готов к сему поэтическому извержению, но довольно, чтобы уловить феминистский взгляд автора на трех брошенных женщин из древнегреческой мифологии: Навсикаю, Медею и Дидону, – объединенных, насколько я понял, в один современный персонаж в облике нищенки парижского метро. Впрочем, в последней части своей интерпретации, учитывая своеобразную метафорику, я уверен не был.

Это впечатляющее проявление участия со стороны мажордома возымело неожиданный эффект на польщенную поэтессу. Она залилась смехом, обнажив погруженные в розовую десну нижней челюсти зубы. Исполненную благих намерений декламацию своего шедевра она сочла до того забавной, что становилось не по себе.

– В былые времена, – сказала она, – трубадуры в стихах воспевали женщин. Порой и вправду испытываешь ностальгию по тому славному прошлому. Вы только полюбуйте: меня окружают два джентльмена, которые, пытаясь завоевать расположение женщины, не могут придумать ничего лучше, чем произвести на нее впечатление ее же собственными словами.

Она повернулась к нам спиной и упорхнула прочь.

– Что ж, – сказал Монтебелло, – рискну утверждать, что эта встреча прошла относительно благополучно. Она сооблаговолила сказать нам несколько слов. А она отнюдь не всегда бывает столь щедра.

Я похвалил его за потрясающую манифестацию дружелюбия. Он улыбнулся скучающей улыбкой.

– Это важная часть моей профессии – знать о своих гостях как можно больше, – сказал он. – Сейчас я учу наизусть и ваши стихи. Однако мне с трудом даются звуки вашего родного языка, поэтому, боюсь, что, когда представится возможность процитировать отрывок из ваших произведений, мне придется

прибегнуть к английскому, немецкому или итальянскому переводам. Надеюсь, у вас хватит великодушия заранее меня простить.

2

Сегодня я наконец встретился с именитым Пательским. Он ведет довольно уединенное существование. Работает, читает и, по словам мажордома, предпочитает трапезничать у себя в номере. Однако сегодня утром я застал его на *goûter de la mi-matinee* в Зеленом зале.

Судя по всему, у него слабое здоровье, но, несмотря на преклонный возраст, поразительно живое лицо, сохранившее молодость благодаря любознательности и не отданной в жертву старости способности удивляться, – при желании выражение его лица можно было бы, без сомнения, назвать озорным. С иголки одетый, сегодняшним утром он предстал в костюме-тройке, при галстук в горошек, с платком-паше тоже в горошек и при карманных часах на позолоченной цепочке. Я подошел к нему познакомиться. Мне пришлось использовать все свои риторические навыки, дабы помешать ему подняться, поскольку из вежливости он уже начал было исполнять утомительный ритуал приветствия, с болью в теле и улыбкой на лице приподнимая со своего места негнущиеся, измученные подагрой члены. Я подсел к нему за столик перемолвиться парой слов.

Он выразил необычайный интерес к моей работе. После нескольких осведомительных вопросов о моих стихах и романах он перевел разговор на тему эмпатии, составляющей, по его мнению, стержень и наиболее значимый аспект литературы. Из скромности я был склонен с ним согласиться, сочтя целесообразным добавить, что в нашем сложном и сильно фрагментированном обществе, которому все в большей степени становятся присущи индивидуализм и абсолютизация личного интереса, это качество представляется как никогда редким и ценным.

Он спросил меня, угрожает ли, на мой взгляд, индивидуализм социальной сплоченности и следует ли предпринимать усилия по восстановлению безнадежно устаревшего духа общности. Я ответил ему, что эмансипация личности может считаться синонимом свободы, а ностальгия по старым групповым связям вроде семьи и национального государства – ущемлением приобретенных свобод. Акцент на интересы коллектива являет собой

классический ингредиент в риторическом репертуаре каждого диктатора. Индивидуальные свободы, как мне думается, – это не проблема, а достижение современного западного общества, в то время как настоящая проблема, по-видимому, кроется в незаслуженно выдаваемых за свободу основных постулатах неолиберализма, ставшего глобальной религией и приравнявшего эгоизм к добродетели, а альтруизм – к слабости. Теперь, когда мы вырастили поколение наших детей с мыслью о том, что жизнь – это конкуренция, где победители одерживают победу за счет проигравших, а успех – это выбор, не подразумевающий жалости к тем, кто не захотел добиваться успеха, не стоит удивляться, что эмпатия стала раритетом.

Затем он спросил о моей высшей цели. Я его не понял. Он пояснил, что хотел бы узнать, в чем заключаются мои устремления, чего я пытаюсь достичь своими книгами и чего ищу в каждом абзаце, предложении, в каждом написанном мною слове.

– Это сложный вопрос, – сказал я.

– Поэтому я вам его и задаю.

– В прошлом я по-разному на него отвечал.

– Мне было бы особенно интересно узнать, какой ответ вы дали бы сейчас.

– Возможно, он вас удивит.

– Я люблю удивляться.

– Я ищу правду.

– Даже в художественном вымысле?

– Именно в художественном вымысле.

Положив руку мне на плечо, он посмотрел на меня с задорным блеском в глазах, который мог означать все что угодно.

– Приятно было познакомиться, – сказал он. – Мы должны поподробнее обсудить с вами эту тему. Полагаю, можно надеяться, что вы в гранд-отеле «Европа» надолго.

3

Хотя гостям разрешено курить в гостиной и даже в номере, иной раз я сознательно ищу общества Абдула у перепрофилированного в пепельницу цветочного горшка на ступеньках крыльца. Менеджер любой другой гостиницы решительно запретил бы своему персоналу открыто курить перед главным входом, на виду у прибывающих и отбывающих гостей, но господин Монтебелло не трогает Абдула, ибо знает, что тот любит сидеть на ступеньках, да и наплыва новых гостей как-то не наблюдается. За три дня, что я здесь живу, никто не приехал. Отъезд постояльцев случается еще реже.

Впрочем, всему, разумеется, есть границы, за соблюдением которых из-за занавески, колонны перголы, бугенвиллеи или всех трех объектов одновременно зорко следит всевидящее око Монтебелло, – одной сигареты достаточно, ибо работа есть всегда, даже если коридорный в меньшей степени задействован в исполнении своей основной задачи, то есть переноске багажа, это не означает, что в заведении, требующем ремонта, он не может быть полезным сотней других способов. Поэтому наши беседы приобретают характер мыльной оперы, в которой я в форме коротких эпизодов рассказываю о местах, где бывал, в первую очередь о Венеции, а напоследок, во время оставшихся нам финальных затяжек, пытаюсь клещами вытянуть у Абдула сведения о его прошлом.

Я быстро успел привязаться к этим наспех раскуриваемым встречам, потому что меня трогают кротость и любознательность Абдула и потому что в отсутствие общих точек соприкосновения, помимо отеля, нам зачастую бывает трудно понять друг друга и наши разговоры висят на уровне таинственности и восхищения, что кажется мне забавным и поучительным. Если, к примеру, я говорю ему, что Венеция – это, по сути, музей, то понятнее ему от этого не становится, ибо в музее, как выясняется, он никогда не был. А когда я растолковываю ему, что такое музей, он представляет себе Венецию, где на уличных стенах развешаны картины, а в витринах разложена всякая всячина. При ближайшем рассмотрении так оно в общем и есть. Когда я пытаюсь наглядно объяснить ему феномен массового туризма, призывая его вообразить себе город, до отказа заполненный гостями отеля, он думает, что я хочу

заманить его туда на работу. А стоит мне упомянуть об избытке прошлого в Венеции, он делает испуганное лицо и начинает трясти головой.

Абдул не любит говорить о прошлом. Он считает, что это нечто плохое, о чем лучше забыть. Будущее, по его мнению, гораздо важнее, ведь оно еще впереди и поддается изменениям. Он прав, но меня разбирает любопытство. Я хотел бы узнать его поближе, а, на мой взгляд, невозможно узнать человека, не имея представления о его прошлом. По мысли же Абдула, человек – это его лицо, обращенное в том направлении, куда он следует, а не к тому месту, откуда он родом.

– Но я не хочу разочаровывать вас, господин Леонард Пфейффер, – сказал он сегодня. – Господин Монтебелло с самого начала внушал мне, что наша задача заключается в максимальном исполнении желаний ближних и что это самое важное, чему он может меня научить. Поэтому, если вы непременно хотите узнать, как я здесь оказался, я, безусловно, вам помогу и постараюсь рассказать все, что помню, хотя мне будет и нелегко подобрать холодные слова, чтобы выразить огонь в моем сердце.

Все началось со змеи, а потом мне приснился сон. Деревню, где я жил, охватил страх, после того как змея укусила нашего святого. Яд оказался смертельным, и женщины рвали на себе от горя волосы. Это происшествие было воспринято как предзнаменование надвигающейся беды. В ту же ночь во сне ко мне явился мой старший брат. К тому времени он уже несколько лет как был мертв. В моем сне он сидел весь в пыли и песке. Волосы и борода испачканы кровью. Выглядел он ужасно усталым: быть мертвым, должно быть, нелегко. При виде его я заплакал. И спросил, где он пропадал все это время. Он не ответил. Сказал только, чтобы я бежал от огня. Я спросил: куда? «По морю», – ответил он. Таким был мой сон.

Я проснулся от звуков выстрелов, доносившихся из деревни. Я отчетливо их слышал, хотя отцовский дом стоял особняком, на почтительном от деревни расстоянии, и забрался на крышу посмотреть, что происходит. Вдали, там, где находилась деревня, поднимались языки пламени. Слышались женские крики. Я слез с крыши и помчался на помощь односельчанам. На подходе к деревне я столкнулся с Яссером, уносившим оттуда ноги. Я спросил, что происходит. «Мужчины», – сказал он.

Точно волчонок в ночной темноте, я побежал дальше. Не надеяться на спасение было моим единственным спасением. Меж домов лежали трупы. Песок был

черным от крови. Я видел, как Кайшу выволокли из дома за волосы. Я хотел ей помочь, хотя не знал как, но даже не мог к ней приблизиться, потому что с крыши стреляли.

Дом старейшины был взят штурмом. Я видел, как женщины пытались его защитить, швыряя в нападавших посуду, масляные лампы и даже священную книгу. Их расстреляли. Сын старейшины, выбежав из дома, с криком бросился на врагов. Одним глухим выстрелом его уложили на землю. Потом в дверях появился сам старик. Он был в своем головном уборе и держал в руках ритуальное копье, которое отважно, но обессиленно метнул в сторону атакующих. Копье упало в песок в нескольких метрах от него. Он закричал, что они трусы. Его притащили во двор, где он поскользнулся на свежей крови сына, и перерезали горло.

Увидев мертвого старика, я подумал об отце и сломя голову полетел обратно домой. Но прибежал слишком поздно и по сей день чувствую себя виноватым. Отец с огнестрельным ранением в голову лежал за выбитой дверью. Если бы я остался дома, вместо того чтобы нестись в деревню, где все равно никому не смог помочь, он бы, возможно, остался в живых. Я огляделся и увидел вокруг дотла сожженную деревню. Мне вспомнился сон о моем брате. Тогда я убежал в пустыню. Вот и вся история о моей деревне и моем отце.

Надеюсь, вы простите меня, если сегодня на этом мы остановимся, потому что мне очень больно вспоминать свое прошлое, а кроме того, мне нужно вернуться к моим обязанностям. Господин Монтебелло попросил меня отполировать серебро. Благодарю за сигарету.

4

Сегодня днем, работая за письменным столом в своем номере, пока в ресторане внизу, позвякивая посудой, готовились к ужину, я вострепнулся от странного фыркающего звука, переходящего в шелест. В какой-то момент отрывистое бульканье прекратилось и остался только шелест. Я поднялся, отодвинул стул от французских дверей и вышел на террасу посмотреть, откуда доносился звук.

Это был фонтан. Фонтан в пруду за розарием, или тем, что от него осталось, не действовавший, по словам мажордома, уже много лет, был реанимирован и с хрипами возвращен к жизни. Сам фонтан, похоже, был удивлен больше всех.

Установленный посередине пруда в виде мраморной шишкообразной скульптуры, курьезной самой по себе, он теперь ни с того ни с сего еще и брызгал водной струей, которую наобум направлял вертикально вверх, поскольку не понимал ее назначения, после чего вода бесцельно плюхалась обратно в пруд. Я разглядел фигуры вершителей сего дива, трех рабочих и приземистого зрителя в черном костюме, не попадавшегося мне ранее на глаза.

Накинув пиджак, я отправился вниз, дабы вблизи лицезреть это фонтанирующее зрелище. Спустившись по лестнице в фойе, я столкнулся с мажордомом. Новинка в его саду, похоже, поразила его не меньше меня, что только усилило мое изумление. Мне представлялось немыслимым, чтобы в гранд-отеле «Европа» и его окрестностях могло произойти нечто такое, о чем бы мажордом не ведал или что от начала до конца самолично не продумал до мелочей, не пустил в ход, не обследовал, не осуществил и не довел до конца. Но немыслимое оказалось фактом.

– Спящая гидрида очнулась ото сна, – сказал он. – Я, честно говоря, оставил надежду увидеть при жизни это чудо.

– Кто же отремонтировал фонтан? – спросил я.

– По-видимому, достаточно верить в китайские сказки.

Я последовал за ним на улицу. Минуя розарий, мы очутились возле пруда. Из кухни вышла повариха. В сад высыпали горничные. Большой Грек уже стоял у кромки водоема и хлопал в ладоши, словно ребенок, впервые увидевший фейерверк. Коренастый мужчина в черном костюме, которого я заприметил еще с террасы, поджидал нас, сияя от удовольствия. То, чего я не смог разглядеть на расстоянии, стало очевидным вблизи, когда я увидел его лучезарное лицо, – это был не кто иной, как новый состоятельный китайский владелец отеля с упомянутым ранее пристрастием к искусственным цветам, ибо выглядел он как настоящий китаец; он стоял, широко расставив ноги и излучая удовлетворение, словно отец, упивающийся успехом организованного для детей сюрприза. Как бишь его зовут?

– Господин Ванг, – обратился к нему мажордом, – думаю, что выражу мнение всех присутствующих, если скажу, что вы приятно ошеломили нас

оперативностью, с которой наделили этот давно умолкнувший от старости фонтан юным задором и журчащим голосом. Мы вам за это весьма признательны.

Господин Ванг ухмылялся. Один из трех мужчин, которых с террасы я принял за рабочих, оказался переводчиком. Он прошептал перевод на ухо господину Вангу, после чего тот шагнул вперед, обнял мажордома и громко заговорил по-китайски. Со стороны выглядело, будто он кричал на собаку, но так уж звучит китайский язык. По словам переводчика, он сказал, что это только начало и что он превратит гранд-отель «Европа» в самую красивую гостиницу мира.

На обратном пути я спросил мажордома, кто был предыдущим владельцем.

– Владелицей, – уточнил он. – Я начинал у нее коридорным. Мне было столько же лет, сколько сейчас Абдулу, а в гранд-отеле «Европа» шелестели бальные платья и звенели драгоценности. Каждый вечер был праздничным, шампанское текло рекой, а коридорный работал в поте лица. Нескончаемый поток князей, графинь, послов и крупных промышленников, приезжавших в отель, не иссякал. Это было целую жизнь назад, и она тогда уже была в возрасте.

– Когда она умерла? – спросил я.

Он удивленно на меня посмотрел.

– Она и не думала умирать, – сказал он. – Она здесь. Живет со всеми своими книгами и произведениями искусства в первом номере, где и жила, когда я устроился сюда на работу.

– Сколько же ей сейчас лет?

– Этого никто не знает.

– Почему она продала отель?

– Потому что думает о будущем и понимает, что я тоже начинаю стареть.

– Я хотел бы с ней встретиться.

– Не хочу вас разочаровывать, – сказал мажордом, – но, боюсь, ничего не получится. Она больше не выходит из номера и не принимает гостей.

Глава четвертая. Дочь воспоминания

1

Я познакомился с Клио по недоразумению. Тогда еще я жил в Генуе. Она – тоже, притом всю жизнь, если не несколько поколений, но тогда я еще об этом не знал. Я отправился в Палаццо Дукале на публичную лекцию по истории Генуэзской республики времен крестовых походов. Мне была интересна эта тема, и я уже немного ее исследовал, когда писал свой генуэзский роман *La Superba*, но пошел я туда не поэтому. Если ходить на все, что тебе интересно, не останется ни одного свободного вечера. Не то чтобы мне безумно хотелось скоротать вечерок в домашней обстановке, просто дело принципа.

На самом же деле я отправился в Палаццо Дукале потому, что лекцию должна была читать довольно известный англо-итальянский историк Дебора Дримбл. Я ее знал. Несколько лет назад, когда я только переехал из Нидерландов в Геную и она еще преподавала в местном университете, у меня завязался с ней (и с достойными ее бюста инициалами) короткий непритязательный роман, оборвавшийся после ее трудоустройства в английском университете. Я потерял с ней связь. Должно быть, эта полногрудая и когда-то вполне себе осязаемая тень из моего прошлого не устояла перед искушением приехать с лекцией в родной город. Я решил, что мои воспоминания оправдывают попытку восстановить контакт, хотя бы на один вечер – как говорится, в память о старых добрых временах.

Однако, когда на трибуне в полупустом Зале большого совета появился пожилой джентльмен в белом воротничке и пустился в рассуждения о католических ценностях, у меня закралось робкое подозрение, что я ошибся и что ночь придется провести не так, как я надеялся. Слева, на расстоянии двух стульев от меня, сидела красивая женщина, тоже пытавшаяся совладать с разбитыми ожиданиями. Я еще раньше ее приметил, но, всецело поглощенный тоской по прошлому, не обращал на нее особого внимания. Она наклонилась ко мне и

шепотом спросила, состоится ли лекция о крестовых походах. Она и в самом деле была необычайно красива. Я ответил, что сам пребываю в неведении. Пошушукавшись с пожилой дамой слева от нее, у которой оказался программный буклет цикла лекций в Палаццо Дукале, она, по-видимому, все выяснила.

Я вопросительно на нее посмотрел.

– Вчера, – прошептала она, – лекция о крестовых походах была вчера.

– А сегодня о чем?

– О будущем католических традиций.

Я поморщился.

– Меня, пожалуй, не очень интересует это будущее, – сказала она.

– Фу, – согласился я, – сплошное прожектерство. Меня – тоже нет.

Я набрался храбрости. Сглотнул. Будь что будет. И выпалил.

– Могу ли я пригласить вас куда-нибудь выпить?

За все годы, что я к тому времени прожил в Италии, я усвоил, что подобные ей красивые итальянские женщины неприступны и неприкосновенны. Ее красота была настолько очевидна, что я никогда не смог бы ею обладать. Я был уверен, что мое невинное или кажущееся невинным приглашение она отвергнет с высокомерной улыбкой. Но, к моему удивлению, она согласилась.

2

Она заказала «Негрони сбальято» и сказала, что ее зовут Клио.

– Как музу истории.

– Да, я проклята.

– Вы не производите такого впечатления.

– Мало того, что меня, будто хватающего ртом воздух утопающего, всякий раз погружает под воду соленого моря прошлого моя фамилия, так мои расчудесные родители еще умудрились дать мне имя, провозгласившее историю моим главным источником вдохновения. Насколько проклят может быть человек?

– Какая же у вас фамилия?

– Когда-нибудь я вам, возможно, расскажу.

То, что она уже начала откладывать ответы на мои вопросы на гипотетические следующие встречи, я воспринял как доброе предзнаменование и многозначительно улыбнулся.

– Что тут смешного?

Я сделал извиняющийся жест.

– Впрочем, вы правы, – сказала она. – Было бы смешно, если бы все это не было так грустно. Вы иностранец. Откуда вы? Из Германии? Нидерланды. Тоже хорошо. Не имеет значения. Вы приехали из цивилизованной страны, где есть экономика и где молодые люди могут кем-то стать. Что вы думаете об Италии? Дайте угадаю. Дивная страна, вкусная еда, солнце в лицо, красивые женщины и вся эта архитектура. «Дольче вита». Я права? А теперь позвольте вам рассказать, какова Италия на самом деле. Хотите короткую или длинную версию? Короткая версия тоже длинная.

Знаете, кто я по профессии? Вы уже, наверное, догадались. Благодаря своей фамилии я воспитывалась в доме, доверху наполненном старыми картинами, на интерес к которым меня обрекло мое имя. Я искусствовед. Казалось бы, в Италии мне самое место, ведь здесь больше искусства, чем где бы то ни было. Половина мирового культурного наследия находится в этой стране. И все это необходимо изучать, сохранять, защищать и оценивать. Чем я и занимаюсь. К тому, что я сейчас пытаюсь сказать, хочу добавить, что я профессионал в своем деле. У меня

диплом с отличием, докторская степень, специализация, все в ажуре. Несмотря на то что со своей фамилией я могла бы без особых усилий пристроиться на хорошо оплачиваемую, незаметную должность в банке или судоходной компании моего дяди, я больше десяти лет упорно трудилась и билась как баран о ворота будущего, чтобы стать тем, кем хотела. То была напрасная трата времени и сил.

С моим образованием я должна была работать профессором или куратором крупного музея. Однако эти должности заняты другими людьми с другими фамилиями. Путь в собственный университет я отрезала себе сама, коль скоро отказалась целовать задницу научному руководителю, укравшему результаты моих исследований и опубликовавшему их под своим именем, не говоря уже о других университетах, где я не училась и где у меня образовался непреодолимый разрыв по части целования задниц с теми, кто там учился. В вашем языке есть такое выражение: «целовать задницу»? Неважно, вы понимаете, что я имею в виду. А знаете, когда министерство в последний раз объявляло о приеме заявок на вакансии в национальных музеях? Двадцать три года назад. Тогда почти десять тысяч высококвалифицированных искусствоведов подали заявления, чтобы трудоустроиться на три сотни должностей музейных смотрителей.

Мне еще повезло, ибо я чудом нашла работу по специальности. Я работаю в аукционном доме «Камби» в замке Маккензи. Звучит, наверное, волшебно, но это не так. Знаю, мне грех жаловаться, но ничего не могу с собой поделать. Ведь у меня там на столе отнюдь не каждый день появляются Караваджо и Рембрандт, если вы понимаете, о чем я. У меня и стола-то нет. В своем сказочном замке я занимаюсь по преимуществу скарбом усопших генуэзцев. Вожусь со старым барахлом покойников. Вот оно, проклятие моего имени. Вы не представляете, сколько стариков в этой стране и сколько старого хлама они собирают. Неудивительно, что эта страна засорилась, как сточная труба, где налипшая вонючая грязь затрудняет свободный проток.

Это настоящая трагедия. Мне сейчас за тридцать, лучшие годы моей жизни, и я должна прыгать от радости, что нашла паршиво оплачиваемую работу усовершенствованной секретарши аукциониста, который станет мультимиллионером, потому что я придумываю для него провенанс и ни в коем случае не разоблачаю подделки, в то время как у меня нет ни малейшей перспективы сделать карьеру, не говоря уже о надежде когда-нибудь найти работу в другом месте. Я в тупике. Знаете, каждый день, занимаясь никому не

нужным антиквариатом, я ощущаю запах гнили, разложения, застоя и смерти. Это и есть запах Италии.

Она сделала большой глоток «Негрони сбальято». Я не осмеливался с ней спорить, да и возможности такой у меня не было, потому что как истинная итальянка она считала необходимым продолжать развивать мысль, которая и так уже была предельно ясна.

– Италию душит прошлое. Неудивительно, с такой-то богатой историей. История внушает вам представление о том, что нужно слепо следовать традиции. Страной правят традиции. Вы не можете даже изменить рецепт спагетти «Вонголе». Ваш обновленный рецепт спагетти «Алле Вонголе» – это неправильный рецепт. Инновации считаются ошибками, угрозой устоявшимся ценностям. По сути, Италия по-прежнему феодальная страна. Система основана на внутренней связанности и солидарности кланов. Ваше положение в обществе определяется принадлежностью к группе, объединенной кровными узами, дружбой и взаимными одолжениями. Если хотите сделать карьеру, вы зависите от расположения и покровительства родственников и друзей, которым вы обязаны оказывать услуги в обмен на их помощь. Факт наличия у вас профессиональных умений и знаний никого в этой системе не интересует. Это совершенно несущественно. Раз уж я устраиваю вас на работу в своем банке, мне все равно, разбираетесь вы в финансовых вопросах или нет. Зато я могу быть уверена в вашем понимании того, что вы у меня в долгу и что я могу попросить вас закрывать глаза на сомнительные трансакции, проводя их без лишнего шума и позволяя мне, в свою очередь, оказывать услуги более высокопоставленным лицам, способным посодействовать моему карьерному росту. Вам от этого только лучше. Мы оба в выигрыше. Если одна рука моет другую, они обе становятся чистыми. У вас, на севере, возможно, называют это коррупцией, подразумевающей ситуацию, когда несколько гнилых яблок в корзине заражают свежие, здоровые плоды. Но это не так. В Италии мы производим не виноградный сок, а вино. Гниение и брожение составляют основу процесса. То, что вы именуете коррупцией, является фундаментом нашей системы.

Кстати, этот фундамент имеет историческую подоплеку. Крайне важно осознавать, что на протяжении большей части своей истории Италия находилась под управлением иностранных государств. Начиная с Ренессанса и до середины девятнадцатого века полуостров по преимуществу подчинялся испанскому королю и Габсбургам. Это я сейчас лишь кратко резюмирую, но речь идет о том,

что многовековой опыт иностранного господства обусловил глубоко укоренившееся недоверие к власти. В ДНК у итальянцев записано, что от государства не приходится ждать ничего хорошего, а центральную власть следует скорее воспринимать как врага, нежели как друга. История научила итальянцев полагаться исключительно на себя. Вот они и стали объединяться в сплоченные группы, зиждущиеся на кровных узах и дружеских отношениях, дабы обеспечить себе защиту, не гарантируемую государством, и защиту от самого этого государства. Отсюда ведут свое происхождение различные формы nepotизма и фаворитизма, а также мафия.

Объективно говоря, у нас отнюдь не плохая система. Логичная, согласованная и эффективная. Ваша система, с нашей точки зрения, холодная и эгоцентричная. Нам кажется бесчеловечным, что вы не можете оказать помощь своим друзьям и родственникам без того, чтобы вас не обвинили в коррупции. Но если недостаток вашей системы в том, что каждый предоставлен самому себе, то наша система не позволяет нам достичь чего-либо собственными силами. Что-то уметь в этой стране вовсе не означает кем-то стать. Я знаю, о чем вы думаете, Джулиан.

– Илья.

– Илья. Извините. Вы думаете, что я рисуюсь. С такой фамилией, как у меня, не пристало жаловаться на систему, в которой фамилии перевешивают достоинства. Будь я полным профаном, я бы с вами согласилась. Но поскольку я восстала против системы, освоив специальность, вместо того чтобы сидеть сложа руки, полагаясь на свою фамилию, и проиграла, то я ненавижу эту систему и эту фамилию. Понимаете? Вы киваете, но вы не понимаете. Не до конца. Как иностранец вы никогда не проникнетесь отчаянием итальянского застоя во всех его трагических гранях. Но я вас не виню.

Позвольте мне сказать еще кое-что. Я далеко не единственная, кто чувствует себя заложником nepotистских традиций темного прошлого, вцепившихся в эту страну мертвой хваткой. Высокообразованные молодые итальянцы повально бегут отсюда к вам, на север, в поисках счастья. И знаете, что по этому поводу говорит Франческини, наш министр образования и культуры? Он утверждает, что это успех. На прошлой неделе он как раз выступал по телевидению. Тот факт, что толпы молодых высокообразованных итальянцев работают за границей посудомойщиками, он расценивает как свидетельство качества итальянского высшего образования и собственной политики. Его мало за это

повесить за яйца, не так ли, этого паскудника? Вместо того чтобы модернизировать университеты и музеи, создавая возможности для самореализации таким, как я, он в течение двадцати трех лет не опубликовал ни одной вакансии даже на должность смотрителя. К слову, сотни тысяч молодых итальянцев с их непревзойденным итальянским образованием эмигрируют не потому, что мечтают заниматься развитием отсталого севера, и не потому, что хотят расправить крылья и в погоне за приключениями убежать от надоевших материнских спагетти. У них просто нет иного выхода. Ибо родная страна не дает им шанса. Понимаете, как это больно? А потом еще тот, кто их прогнал, провозглашает их успех на чужбине своей личной заслугой.

Знаете ли вы, что эмиграция в результате утечки мозгов превышает иммиграцию всех беженцев в лодках, вместе взятых? Италия опустошается. Остаются лишь плохо образованные лохи, не осознающие потребности в переменах, пока их футбольная команда побеждает на турнирах, пожилые, которым уже ничего не хочется менять, и я. Ессо[3 - Вот (итал.)]. Такова ситуация. У вас есть вопросы?

Эта ваша прекрасная Италия стала, по существу, домом отдыха для отживших свой век престарелых. Роскошный, залитый солнцем сад, где, опираясь на руку сенегальской домашней прислуги и еле волоча ноги, они прогуливаются меж цветущих лимонных деревьев и вспоминают Средневековье – время своей молодости, когда любовная песня менестреля, казалось, длилась вечно, но уже ничего не ждут от будущего. Беременная женщина встречается здесь редко и воспринимается как чудо, сопровождаемое воркующими, надтреснутыми от недоверия голосами и ощупываемое морщинистыми руками. В скрипучих старческих возгласах слышится порой и сострадание, ведь решение растить ребенка в стране, где нет будущего, столь же смело, сколь и нелепо. Ключевые позиции занимают надутые, самовлюбленные бароны, появившиеся на свет задолго до изобретения интернета. Своей напыщенностью они беспощадно растаптывают юношеское безрассудство, называемое устремленностью. Тот, кто, исполненный ложной надежды на академическое образование, по глупости впустую растратил на него свою молодость, но все же догадался выучить два слова по-английски, пытается поскорее отсюда слить, пусть даже в Лондон жарить гамбургеры, что считается завидным карьерным достижением, ибо приносит лучший заработок и открывает более широкие перспективы на будущее, чем какая бы то ни было должность в Италии. Оставшиеся, вроде меня, – самые что ни на есть неудачники. Мы выбрали неправильное направление. В стране, где все повернулись спиной к будущему, мы пытаемся разглядеть на горизонте путеводную звезду, но видим лишь темные очертания

ухмыляющихся рож, заслоняющих нам дальние просторы.

Она снова отхлебнула «Негрони сбальято».

– Это была короткая версия, – сказала она. – Длинная версия будет дополнена бесконечным списком попыток, предпринятых мною, дабы вырваться из тупика, и бесповоротно саботированных людьми, не заинтересованными в каких бы то ни было изменениях или событиях. Впрочем, довольно обо мне. Расскажите теперь о себе.

З

– Я думаю, что ты красивая, – сказал я.

Прекрасно помню эти свои слова. То была правда, пусть и неуклюже выраженная. Если поначалу меня тронули маленькие размеры ее одежды, длина чулок под юбкой, высота каблуков и взгляд, придающий ее нарочитой элегантности оттенок безразличия, то, слушая ее рассуждения, я подпал под чары ее темных, сверкающих в летнюю ночь глаз и страстности, с которой танцевали ее лицо и руки, будто в ночном клубе ее души вспыхнуло клокочущее, дразнящее танго, требующее от окружающих тотальной капитуляции. В тот момент я был не в состоянии облечь свои чувства в слова, ибо всецело был поглощен созерцанием того, с каким издевательски беспечным видом она, выговорившись, закинула ногу на ногу, и теперь, когда она превратилась в призрак из прошлого, терзающий мою память, мне наверняка придется удалить записанный выше пассаж, если я соберусь переоплотить свои заметки в книгу, как стилистически перегруженный и выпренный. Но факт остается фактом. Сначала я увидел красивую танцовщицу, а потом она начала танцевать. И с каждой секундой становилась все более неотразимой.

То, что я тогда сказал правду, разумеется, не означает, что я поступил разумно. Ей, конечно, не стоило обижаться на искренний комплимент, но обрушившаяся на меня пламенная исповедь заслуживала, возможно, более содержательного ответа. Поэтому моя реакция могла и должна была ее оскорбить. К тому же благодаря моему признанию ей не составило бы труда безвозвратно зачислить меня в категорию, куда зачисляются все мужчины, и я бы упустил свой шанс симулировать понимание и сочувствие в попытке заставить ее поверить, что волею судеб она встретила того единственного мужчину на земле, который не

обратил внимания на формы ее тела. В тот момент, однако, терять мне было нечего, ибо я по-прежнему был твердо убежден, что женщина ее калибра мне не светит. По крайней мере, я мог похвастаться, что раз в жизни сказал поистине красивой женщине, что она красива. Это был максимум, на который я мог рассчитывать и который в любом случае больше никто у меня не отнял бы.

Я уже приготовился к ее насмешке, но она восприняла мой комплимент без всякого энтузиазма, как если бы слышала его уже сто раз.

– Никогда не облакай комплимент в форму мнения, – сказала она. – Гораздо элегантнее преподнести его в качестве неоспоримого факта.

– Ты права. Но ты просила меня рассказать о себе.

– Верно. И уверена, что ты в состоянии поделиться со мной более интересными мыслями, нежели своим мнением обо мне.

– Позволь мне, в свою очередь, поблагодарить тебя за комплимент.

– Я лишь ответила на твой.

– Не стоит, – сказал я. – Это вообще не комплимент. Это бесспорный факт, который я замаскировал под собственное мнение. Добавлю, что, возможно, я и в самом деле мог бы рассказать о себе всякую всячину, но в этот момент для меня нет ничего интереснее и занимательнее, чем то несравненное впечатление, которое ты на меня производишь.

Она рассмеялась. Я не шучу, она рассмеялась. Мне так и хочется поставить восклицательный знак от переполняющей меня радости. Этот бой я еще не проиграл, потому что она смеялась, – черт меня подери, если это неправда.

– Мне от этого не легче, – сказала она.

– От чего?

– Оттого, что я красивая. Это не помогло мне кем-то стать.

– Зато легче мне.

Она снова улыбнулась. Теперь мне следовало быть начеку, чтобы после второй удачной шутки вдруг не уверовать в успех своей тупиковой миссии и не утратить дерзость. Я посмотрел на нее. Это подействовало. Я снова растворился в ее исполненном превосходства взоре, высмеивающем любую надежду на победоносную стратегию.

– И что же такого красивого ты во мне находишь? – спросила она.

– Ты красиво танцуешь.

Она наклонилась, взяла меня за руку и устремила на меня свой взгляд.

– Пытаешься со мной заигрывать?

– Я бы не осмелился.

– Жаль. Мне кажется, ты в этом мастак.

– В бесперспективных начинаниях я проявляю себя лучше всего.

– В таком случае не стану говорить, что, по-моему, ты тоже неплохо танцуешь.

– Настоятельно не советую.

– Может, лучше вернуться к предыдущей теме нашего разговора? – спросила она.

– Да.

– Каким ты видишь свое будущее?

– А ты сейчас не слишком торопишь события?

Я действительно так и сказал. Слово в слово. Понятия не имею, откуда во мне взялась эта смелость. Обычно я не очень хорошо танцую. Чаще всего я из всех сил стараюсь быть в танце ведущим, словно пытаюсь произвести арест. Моя гибкость и легконогая удаль, несомненно, проистекали из того факта, что я заранее решил уступить ей пальму первенства, следовать за ней и не ожидать от танца ничего, кроме танца. Если бы так было всегда, если бы это могло когда-нибудь повториться. Я мог бы написать об этом стихотворение.

– Я хочу написать о тебе стихотворение, – сказал я.

– Я должна тебе позировать?

– Знаешь, когда я жил в Нидерландах, я собирался повесить объявление: «Поэт ищет обнаженную модель». Но так и не повесил. То была просто шутка. Фактическое ее воплощение принесло бы только разочарование.

– Это тебе так кажется.

– Если расценивать твой ответ как предложение, – сказал я, – то я все больше убеждаюсь в том, что мы были правы, мало ожидая от будущего католических ценностей.

– Пойдем. Ты далеко живешь? Ты пишешь пером или на старомодной печатной машинке? Такие люди, как мы, не интересующиеся будущим, само собой, не пользуются компьютерами. А ты хороший поэт? Я хочу, чтобы было похоже.

4

В прошлом, на лекциях и публичных интервью в Нидерландах, меня так часто спрашивали, почему я стал поэтом, что в какой-то момент я придумал стандартный ответ: «Чтобы соблазнять женщин, разумеется». То был идеальный семантический стоп-сигнал, пока однажды бдительный журналист не задал мне вдогонку логичный вопрос: «И как, получается?» С того момента мне пришлось искать новый стандартный ответ.

Если бы сейчас я мог написать письмо самому себе в более юном возрасте, то охотно удивил бы рассказом о своем первом свидании с Клио. Руководствуясь

этим письмом, мое молодое «я», безусловно, добавило бы к тому стандартному ответу, что и стихи для этого сочинять в общем необязательно. Достаточно просто слыть поэтом. Ведь то стихотворение о Клио я так и не написал.

Когда, преисполненная благородства, она вдруг очутилась в моей засаленной каморке, логове холостяцких фантазий, вся моя бравада съежилась до размеров судорожной инвентаризации имеющихся вариантов. Все подходящие стратегии сводились к спиртному. У меня в записке была бутылка. Я принялся ополаскивать стаканы. Она спросила, где можно переодеться. Я чересчур громко рассмеялся ее шутке и указал на ванную комнату.

Ее отсутствие дало мне время разыскать штопор. В результате он оказался там, где ему полагалось быть. Потом обломалась пробка. Второпях я вкрутил штопор в оставшуюся половину пробки и извлек ее из бутылки. Наполнил стакан, пальцами выудил раскрошенные остатки пробки. Поскольку полотенца под рукой не было, я быстро вытер руки о брюки. Она все еще была в ванной и, к счастью, не видела моего дилетантизма. Одним глотком опустошив стакан, я разлил содержимое бутылки в оба стакана с таким видом, будто только что ее откупорил. Во рту застряла крошка от пробки. Я бросился было к раковине с намерением выплюнуть крошку, как тут Клио вышла из ванной.

С вечера нашего знакомства вплоть до расставания меня не покидало чувство, что она всегда на шаг меня опережала. Стоило мне чего-то захотеть, как она уже все организовала. Когда во мне только назревало умозаключение, она уже давно к нему пришла. Если я пытался проявить инициативу, она заранее ее отклоняла. Она, без сомнения, вела меня в нашем танце. В те моменты, когда я все-таки в этом сомневался или, по крайней мере, в том, нравилась ли мне моя роль ведомого, я воскрешал в памяти тот первый вечер, когда она вышла из ванной, и все сомнения улетучивались сами собой.

Ибо она была обнаженной – в том смысле, что разделась догола. Она оставила лишь чулки, увенчанные кружевной оборкой на бедрах, знакомые мне исключительно по фотографиям в интернете, и туфли на высоком каблуке. Больше на ней ничего не было.

– Ты разве не искал обнаженную модель? – сказала она. – Или ты по-прежнему убежден, что придуманная идея лучше ее воплощения в жизнь?

Что мне было на это ответить? Я проглотил крошку от пробки. И мысленно пожалел, что уже поставил бокалы с вином на стол, иначе из чистого благоговения мог бы театрально выронить их из рук. Это был бы идеальный ответ. Она была не просто обнажена, но к тому же безупречно сложена, как статуя эпохи Возрождения. Немы слова для описания ее красоты. Так больше женщин не лепят, подумал я, – объективно эстетичными, как Дафна, столь страстно желанная Аполлоном, или застигнутая врасплох купающаяся Диана, как греческая богиня или муза. Ее можно было легко описать и в менее поэтических терминах – как модель, бесстыдно позирующую на длинных порнографических ногах, с узкими девичьими бедрами, миниатюрной аппетитной попкой и соблазнительной маленькой грудью, полной и сочной, как вишни.

Прильнув губами к ее рту, я погладил теплую мягкую бронзу ее бедер, и вдруг с ужасом осознал, что уже целую и ласкаю ее и что ей это, очевидно, нравится. Она оказалась такой хрупкой, что почти растаяла в моих алчущих руках. Пока я упивался своим богатым открытием путешествием по патине ее скульптурных форм, она извлекла из штанов мой член и легким летним ветерком провела по нему своей невыносимо маленькой ручкой. Я подумал было, что должен что-то сказать, дабы усилить космическое значение сего момента, но тут она меня отпустила, развернулась и оперлась одной рукой о кухонный стол в красно-белую шашечку. Чтобы развеять любые сомнения в своих намерениях, другой рукой она снова ухватила за мой член у себя за спиной и направила его ко входу во влагалище. Затем пристроила освободившуюся руку рядом с другой на клеенке, наклонилась еще немного вперед и с безошибочным чувством ориентировки вытолкнула ягодицы мне навстречу. Я скользнул в нее, как пистолет в кобуру. Это был секс. Я осознал, что мы и в самом деле занимаемся сексом. Ее бедра двигались в медленном, тягучем ритме танго, и я предоставил ей вести этот танец. Кухонный стол поскрипывал. Она не издавала ни звука. Мне же мешал ремень в полуспущенных брюках. Пока я обдумывал способ его ослабить, она, глубоко вздохнув, кончила. И упала на стол.

– Извини, – сказала она.

Я взял ее на руки, точно выбившегося из сил олененка, и уложил в постель. Разделся, лег рядом и обнял ее. Она заснула у меня на плече. Всю ночь с широко раскрытыми от неверия глазами я согревал ее тело.

– И часто ты это проделываешь? – спросила она, проснувшись на следующее утро.

– Нет, – тихо ответил я. – Это был первый раз.

– Для меня тоже.

Мы не смеялись, потому что не шутили. Я поднялся сварить ей кофе. Два полных бокала вина стояли нетронутыми на разделочном столе. Все выглядело так же, как перед отходом ко сну, но уже ничто не было прежним. В ванной она оделась. И снова превратилась во внешне неприкосновенную стильную итальянку, с которой я познакомился накануне вечером.

Она поцеловала меня в губы.

– С тебя стихотворение, – сказала она.

– Ты сама стихотворение.

Она рассмеялась.

– Нет уж, поэтик. Так легко ты не отделаешься.

Пока я все это записываю, поражаюсь тому, насколько точно первый вечер и ночь с Клио запечатлелись на киноплёнке моей памяти. Я мог бы рассказать об этом фильме сотнями разных способов, но в голове крутятся максимально четкие кадры, не содержащие лакун. Мне больно о них говорить. Заново переживая тот шелковый вечер и бархатную ночь ради этого повествования, я неминуемо прихожу к неумолимому выводу, что счастье мое безвозвратно кануло в прошлое. Нам уже никогда не вернуться туда вместе. Чем искреннее я стараюсь передать его очарование, тем мучительнее осознаю, как много потерял.

По правде говоря, я размышлял над тем, как избавиться себя от этой пытки. Историю, которую я хочу здесь поведать, можно было бы, в сущности, вместить в шесть предложений. Я встретил Клио в Генуе. Влюбился. И, судя по ее словам, она ответила мне взаимностью. У нас завязался роман. Она была недовольна

своей работой, и, когда ей предложили место в Венеции, она согласилась. Поскольку я был влюблен и полагал, что мы счастливы, то решил отправиться с ней в Венецию. Вот и весь рассказ. Столь схематичное изложение содержания книги я повесил над столом в своем номере в гранд-отеле «Европа». Этой информации было вполне достаточно, чтобы объяснить мой переезд из Генуи в Венецию. В чем, собственно, и заключалась одна-единственная цель данной главы.

Однако, перебирая в памяти несколько последующих эпизодов из наших отношений, которые мне скрепя сердце придется раскрыть (возможно, тогдашняя боль смягчит боль нынешнюю), я понимаю, что будет трудно донести до ума и сердца читателя причины, по которым я, несмотря ни на что, остался с Клио, если не высветить в моей истории волшебство того первого вечера и ночи, волшебство, которое она излучала в моем воображении, когда я все еще надеялся ее удержать. А когда, в конце концов, я буду вынужден рассказать о том, как оставил ее и Венецию и как очутился в этом отеле, я не смогу передать всю глубину своего раскаяния и горя, если сначала не посвящу несколько страниц моему счастью, пусть воспоминание о нем лишь умножает мою печаль.

В тот первый вечер ко мне закралась нелепая мысль, что я встретил любовь всей моей жизни. Сейчас, когда я пишу об этом, после всего, что случилось, я по-прежнему так думаю. Любовь моей жизни поросла быльем. Несмотря на аллитерацию, я вынужден предать бумаге это ужасное заключение. Не хочу, подобно отелю, в котором я остановился, и континенту, в честь которого он назван, прийти к выводу, что лучшие дни мои миновали и что в будущем мне не уготовано ничего другого, кроме как жить собственным прошлым.

Музы в греческой мифологии – это дочери Мнемозины, олицетворяющей память. Клио, нареченная именем одной из девяти муз, теперь и для меня стала дочерью памяти, ибо только при помощи воспоминаний я способен ее воскресить.

5

Наш первый совместный вечер стал началом на удивление естественного продолжения. В мировой истории все выглядит на редкость просто. Любое историческое происшествие расщепляет время пополам. В соответствии с железным законом причинно-следственной связи все дальнейшие события основательно, красноречиво и поучительно отличаются от предшествующих.

Реальная жизнь, исходя из моего опыта, зачастую оказывается более строптивой и беспорядочной. Я многократно сталкивался с тем, что исторические события в моей собственной жизни не желали подчиняться законам историографии, что причина, словно не запускающийся тарахтящий бензиновый двигатель, вообще не приводила ни к какому движению, не говоря уже о последствиях, и что новый период через какое-то время снова чертовски напоминал предыдущий. В мировой истории такое тоже случается, но об этом, как правило, умалчивают. Неудачные исторические моменты – это моменты, о которых потом никто не говорит. Стоит ли изумляться, что все продолжают верить в причину и следствие?

Впрочем, на этот раз все происходило как полагается. Возможно, благодаря своему имени Клио умела писать историю, но факт заключался в том, что ее божественное появление имело продолжение и что после той первой ночи все изменилось. Она осталась, хотя я искренне не понимал, чем это заслужил, и исторический момент нашей встречи стал водоразделом между эрой без нее и во всех отношениях кардинально иной эрой с ней.

Период нашего совместного пребывания в Генуе был, пожалуй, самым упоительным. Клише требует, чтобы в подкрепление сказанного я добавил: и беззаботным. Но все было скорее наоборот. В этом-то и заключалось его очарование. Я был настолько ошеломлен тем, что она сочла меня достойным близости, и поражен незаслуженной привилегией обрести женщину ее калибра, что мыслил своим долгом и задачей неизменно превосходить самого себя и задним числом завоевывать то, что она столь легкомысленно и опрометчиво мне даровала. Меня переполняли горячий восторг и возбуждение, я был внимательным, наблюдательным, деятельным и живым. Потребность дотянуться до чьей-то высоты может задать направление человеческому существованию. Беззаботность – это для курортных романов, интрижки с секретаршей после новогоднего фуршета или посещения тайских борделей на старости лет. Легкодоступная плоть навевает скуку, поскольку лишь льстит самолюбию и тешит самомнение. На здоровье, однако никакая большая любовь, достойная этого названия, не бывает беззаботной. Любовь без страха потерпеть фиаско – это не любовь, а развлечение или борьба с одиночеством. Лучше она человека не делает, а мир – и подавно.

Яркий гардероб, в котором Клио непринужденно порхала вокруг меня, первым обратил на себя мое внимание. Мне нельзя было детонировать с ее внешним видом. Я лихорадочно накопил в «Писсимбоно» костюмов, сшитых на заказ

рубашек и шелковых галстуков фирмы «Фиолло». По собственной инициативе я даже посетил парикмахерскую. А когда однажды она упомянула существование мужского косметолога, то, глубоко вздохнув и проглотив собственные предрассудки, записался на прием. Ради литературного сравнения я уже вознамерился сказать, что, когда меня припудривали на ложе из розовых лепестков, чувствовал себя подобно викингу, попавшему в салон красоты, но в данном контексте сравнение это было явно ни к чему, ибо я действительно был викингом, попавшим в салон красоты.

Чтобы не создавать впечатления, будто меня интересует исключительно внешность, я старался развивать многочисленные инициативы, которые прежде изрядно меня утомляли, если не считать дорогостоящих набегов на лучшие рестораны города, что, по сути, и составляло наиболее успешную мою инициативу, хотя бы потому, что Клио везде принимали и угощали как знакомую заведения. Мы совершали долгие прогулки по городу, который так хорошо знали и который открывали заново, глядя на него глазами друг друга. Мы состязались в поединке лучших историй про каменные мостовые переулков средневекового лабиринта. Она почти всегда побеждала, но я легко сносил поражение, ибо гордость за возможность появляться с ней на людях делала меня великодушным. Я был готов набрасываться на прохожих, если они на нас не смотрели.

Но самым неиссякаемым источником желаемого отсутствия беззаботности был ее темперамент. Очень скоро я обнаружил, что у нее было собственное непререкаемое мнение и что благородное происхождение не мешало ей откровенно его выражать, особенно при ударе молнии раздражения. Причем по самым ничтожным поводам, таким как, скажем, туристы, затрудняющие проход к собору на площади Сан-Лоренцо. Это меня успокаивало, ведь таким образом я убеждал себя, что ее недовольство мною тоже касается мелочей. И все-таки мне было не по себе, когда это случилось впервые, да и в дальнейшем тоже. Мне следовало предвосхищать эти вспышки ярости, но ее непредсказуемость не облегчала мою задачу. Пример? Впереди еще множество примеров. В контексте наших сказочных доисторических времен мне приятнее высветить позитивную сторону ее горячего средиземноморского характера, превращавшую ее в бесподобную любовницу. Иногда я и в самом деле себя спрашивал, чем я ее заслужил.

По моему настоянию мы ходили в музеи Страда Нуова. Вихрем она проносила меня по залам Палаццо Россо и Палаццо Бьянко. Мастерски владея предметом,

она на бегу излагала мне всю историю искусства на основе выставленных работ, перед коими благоговела не больше, чем перед кухонной утварью у себя в квартире. Ее интересовали технические аспекты живописи. Сами же артефакты в ее представлении были чуть ли не лишними или в любом случае несовершенными визуализациями этих аспектов. Не стоило уделять им повышенное внимание. Она отмечала хитрости и огрехи в картинах Ван Дейка, Пиолы, Строцци и Гверчино, как если бы они были ее современниками и близкими знакомыми, за карьерой которых она придирчиво следила. Она жила в том времени. Там она чувствовала себя как дома.

Как-то раз мы оказались перед знаменитой картиной Караваджо в Палаццо Бьянко. «Се человек». Понтий Пилат с циничным выражением лица показывает нам, народу, требующему распятия, полуобнаженного Иисуса в терновом венце, со связанными руками и опущенным взглядом. Тюремщик с повязкой и пером на голове до странности бережно снимает багряницу с плеч Иисуса. Клио защитила диссертацию по Караваджо. Опубликовала несколько статей о его творчестве и надеялась когда-нибудь (в свободное от работы время) завершить посвященную ему монографию. Все это я уже знал и попросил ее растолковать для меня знаменитый шедевр.

– Понимаешь, Илья, у этой картины есть проблема. Честно говоря, я вообще не уверена, что это Караваджо.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, это главная жемчужина музея.

– Знаю. Поэтому никогда не смогу опубликовать свои сомнения. Меня линчуют.

– Если единственный Караваджо в Генуе окажется подделкой, местные музейщики этого не переживут.

– Не единственный.

– В Генуе же только одна его картина? Разве не так?

– В любом случае не эта.

– Что же с ней, по-твоему, не так?

– Говори потише. Она слишком явно написана в стиле Караваджо.

Я усмехнулся.

– Подобное возражение можно было бы выдвинуть против всех моих книг.

– Ошибаешься, – сказала она. – Настоящее мастерство не бросается в глаза. Взгляни на перо тюремщика. Вроде бы типичный для Караваджо элемент, он повсюду пишет перья, но это перо уж очень нарочито здесь присутствует. Оно не сочетается с головным убором и чересчур тщательно выписано. То же самое относится и к веревке, впивающейся в запястья. На редкость искусно выполненная деталь, но тем самым она привлекает к себе внимание. И отвлекает от сюжета. Кисть явно замешкалась в этой части холста. Понимаешь, что я имею в виду? У Караваджо подобные детали более эфемерны, интернализированы в мысленный образ, как если бы картину прикрывала вуаль, как у Вермеера.

– А техническая экспертиза картины разве никогда не проводилась? – поинтересовался я, чтобы спросить что-нибудь умное.

– Музей не разрешает. Это уже о чем-то говорит. Они чувствуют недоброе.

– Ты тоже чувствуешь недоброе?

Она непонимающе на меня посмотрела.

Я указал на табличку, сообщавшую, что туалеты находятся наверху.

Она сильно сжала мою руку, и вуаль возбуждения накрыла ее лицо, словно она уже интернализировала мысленный образ.

– Только не здесь, – прошептала она, – меня здесь все знают.

– Здесь никого нет.

Никого и вправду не было. Генуя – нетуристический город. Музей был вымершим. На лестнице мы встретили одного-единственного зрителя. Он

попытался отправить нас по предписанному музейному маршруту. Складывалось впечатление, что эта скромная задача требовала от него максимального напряжения интеллектуальных способностей.

– Кадровая политика Франческини, – прошептал я.

Клио едва сдерживала смех. Она заверила зрителя, что получила разрешение на альтернативный маршрут, и потянула меня в противоположном направлении, оставив его позади в экзистенциальном замешательстве.

Я закрыл за нами дверь туалета. Она едва дала мне возможность запереть его на замок. Ее язык уже был у меня во рту, а рука – в моих штанах. Мы набросились друг на друга, как два голодных льва – на кусок мяса. Я задрал ей юбку. Она спустила до щиколоток мои брюки. Ограниченное пространство не позволяло разыграть эстетичную сцену. Она толкнула меня на унитаз и, когда я там устроился с устремленным вверх членом, максимально откинувшись на спинку бачка, расположилась надо мной, широко расставив ноги, как мужчина, собирающийся отлить в свое удовольствие. Ее трусики, оказавшиеся прямо у моего лица, я, чтобы не возиться, разорвал одним рывком и швырнул в угол. Точно поясом, обернув юбкой талию, она опустила свое влажное лоно на мой член. Я просто констатирую факты. Общественный туалет – не место для изощренных метафор. Я обхватил ее стройные мускулистые бедра, она зажала мне рот рукой, словно собираясь меня изнасиловать, и, как сорвавшаяся с цепи наездница, бешено и почти агрессивно поскакала на мне верхом. Мы настолько ясно осознавали, как низко пали, занимаясь животным совокуплением в сортире крупнейшего музея города, что оба единым духом кончили в гробовой тишине.

Словно благопристойные супруги, вступившие в брачный союз после посещения музея, мы рука об руку шли по залитой солнцем виа Гарибальди. Мы вежливо попрощались со зрителем на выходе. И пожертвовали разорванные трусики в коллекцию музея. Она приходила в такое возбуждение оттого, что разгуливала по городу без трусиков, а я – оттого, что об этом знал, что, вернувшись домой, мы тут же как оголтелые снова занялись сексом. Это банальности, я понимаю, но все банальности становятся реальностью, когда ты влюблен. Вероятно, я должен извиниться за сей поток сознания и слишком тщательную прорисовку деталей с риском отвлечь внимание от канвы повествования, но факт остается фактом: в то время мы оба были безрассудно счастливы. Мы наполняли наши дни приключениями, а по вечерам долго и обстоятельно беседовали о разном, в том числе о нечаянности нашей встречи.

– Если бы ты, как и я, не перепутала даты, – сказал я, – мы бы, возможно, никогда не встретились.

– Если бы тебя и меня больше интересовало будущее, а не прошлое, – сказала она, – мы бы остались слушать лекцию, чинно сидя рядом, и не сказали бы друг другу ни слова.

Я рассказал ей о Деборе Дримбл, размерах ее груди и о том, что все происшедшее было еще более случайным, чем она могла себе представить.

Она не улыбнулась. И тогда я решил спросить:

– Чем я, собственно, тебя заслужил?

Она молчала. И смотрела вдаль. А потом сказала:

– Заслужить друг друга нам еще предстоит. В этом вся прелесть.

6

Настал день, когда она взяла меня с собой на работу. Замок Маккензи я знал хотя бы потому, что всегда путал его с замком д'Альбертис. Но то был замок с высокой башней и видом на Принчипе, построенный в конце девятнадцатого века мореплавателем с трагической судьбой Энрико Альберто д'Альбертисом. Для мореплавателя он родился слишком поздно. Почти все уже было открыто. Неосвоенной оставалась лишь внутренняя часть Папуа – Новой Гвинеи. Он снарядил лодку и поплыл вверх по течению реки в джунгли. Как бы утверждаясь в собственном героизме, он во весь голос распевал на носу лодки оперные арии. Если аборигенам это не нравилось, он кидал им в головы бруски динамита. Ничего выдающегося в этих джунглях он так и не обнаружил. Вернувшись домой, в Геную, он построил себе ностальгический средневековый замок с видом на море, оборудованный опускаемыми решетками в крепостных воротах и оборонительными зубчатыми стенами. На террасе он поместил статую Колумба, своего кумира и источника вдохновения. Ведь его путешествие было продиктовано не столько стремлением открыть что-то новое, сколько желанием быть похожим на мореплавателей прошлого.

Замок Маккензи, где располагался аукционный дом «Камби» и где работала Клио, представлял собой миниатюрную версию вышеописанного замка и был возведен примерно в то же время на Муради-Сан-Бартоломео над Пьяцца Манин, на дороге, ведущей из Кастеллетто в Риги. Его украшала высокая и узкая квадратная ажурная башня, сооруженная в средневековом флорентийском стиле с реминисценциями из Палаццо Веккьо на Пьяцца делла Синьория флорентийским архитектором Джино Коппедо для британского библиофила и знатока Данте, Эвана Джорджа Маккензи, сколотившего состояние на страховом поприще.

До сих пор мне не приходилось бывать внутри, что задним числом оказалось упущением. Монументальная, пышно декорированная мраморная лестница под арками, поддерживаемая колоннами с витиеватыми капителями, вела в лабиринт темных залов, включая тронный зал и комнату с самым большим камином, который мне когда-либо доводилось видеть. Лестница и залы были с пола до потолка набиты скульптурами, картинами, гобеленами, люстрами, чучелами животных и охотничьими трофеями, доспехами и алебардами, моделями кораблей, резной мебелью, старинными книгами, рукописями и картами, биноклями, секстантами и компасами, маятниковыми часами, распятиями и Мариями, строительными чертежами катапульта и осадных башен, золочеными кубками, сервизами, канделябрами, черепами, книжными сундуками, иконами, грамотами, стеклянной посудой, заспиртованными рептилиями, шинуазри, ракушками, гербами и мумиями кошек. У меня складывалось такое впечатление, что я расхаживаю по цветной версии замка Ксанаду Чарльза Фостера Кейна в черно-белом фильме Орсона Уэллса. Отличить историческую коллекцию замка от предметов, выставленных на аукцион, было невозможно. Клио сказала, что ее босс не считал нужным делать это разграничение.

– Я помню, что ты весьма снисходительно отзывалась о своем рабочем месте, – сказал я, – но за тебя можно только порадоваться. Это волшебное место.

– В мире слишком много вещей, – сказала Клио.

– Это не вещи, это воспоминания.

– В мире слишком много воспоминаний. Слишком много хлама, пыли и слишком много преград. Но ты прав. Место волшебное. Коппедо знал толк в своем деле.

– Я научился разглядывать замки у родителей, – сказал я, – ребенком, на каникулах во Франции. Только замки считались замками, если были и впрямь древними. Только если в них жили настоящие рыцари. От замка девятнадцатого века вроде этого я в детстве, в силу своего воспитания, отворотил бы нос. Таким я был тогда маленьким снобом. Мысль о том, что ценность имеют только старинные вещи, внушалась мне с молодых ногтей.

– В этом ты не одинок. Бизнес-модель моего босса целиком и полностью основана на этой предпосылке.

– Это, наверное, у нас, европейцев, в крови. Подобное мышление характерно для жителей Западной Европы. Проклятие Старого Света. Нигде в мире больше так не думают. Там терпеть не могут старый хлам. Японцы, унаследовавшие старый дом, сносят его, чтобы построить новый. Арабам старые города кажутся грязными, а у русских исторические улицы ассоциируются с нищетой и экономической стагнацией. Однажды здесь, в Генуе, я встретил австралийскую туристку и...

– Ты тоже с ней спал?

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто интересно.

– Ответ «нет». Извини, что разочаровал тебя. В любом случае она была в Европе впервые и испытала культурный шок. По ее словам, ей ни разу не приходило в голову, что все эти сказочные атрибуты вроде замков могут существовать в реальной жизни. История не представляет для нее особой ценности, как для нас, для нее это абсолютно чужеродный, бесполезный элемент из другого измерения.

– Европа погрязла в ностальгии, – сказала Клио. – А в этом замке – к тому же в подержанной ностальгии. Ибо уже тогда, в далеком прошлом, замок был выражением ностальгической тоски по еще более давним временам. Эван Джордж Маккензи, спроектировавший и построивший замок, обожал Данте. Какие-то люди рождаются не в том теле, он же родился не в том веке. Единственным местом, где он чувствовал себя как дома, была Флоренция эпохи Данте. Современная же ему Флоренция уже несколько столетий не была его Флоренцией, что причиняло ему боль, вот он и выбрал себе историческое место,

где стояла древняя городская стена Генуи, и флорентийского архитектора, дабы воскресить свое оплакиваемое Средневековье. Ныне же его мечта о прошлом сама стала антиквариатом, а его средневековая новостройка занесена в список исторических памятников.

– А это пристанище возведенной в квадрат ностальгии служит местом продажи старых вещей, расхватываемых под влиянием все той же ностальгии.

– Историю Европы можно описать как историю ностальгии по истории.

– В этом суть Возрождения, – сказал я.

– В этом суть всего, – сказала она.

7

Она носила фамилию Кьявари Каттанео, и я понял, что это значит, в тот памятный день, когда она познакомила меня со своими родителями. На ней были узкие кожаные брюки из бутика «Патриция Пепе», закрытые черные замшевые туфли на высоком каблуке, короткое меховое пальто мшисто-зеленого цвета «Алан Голья», кольцо, браслет, крупные серьги геометрической формы от «Сильвио Джардина» и солнцезащитные очки «Прада». Я пришел в темно-синем костюме марки «Биелла», мшисто-зеленой рубашке «Камичиссима» (купленной в тон ее пальто) с перламутровыми запонками, зеленых ботинках «Мелвин и Гамильтон» с желтым узором и желтыми шнурками и при шелковом галстуке «Фиолло» в широкую диагональную полосу темно-зеленого, желтого и цвета фуксии с перламутровой булавкой. Было воскресенье.

– Мы опять в музей? – спросил я, пока мы под руку вышагивали по виа Гарибальди.

– Почти.

– Проказница.

Однако уже перед Палаццо Турси, между вико-делла-Кьеза-делла-Маддалена и вико-Дьетро-иль-Коро-делла-Маддалена, мы добрались до места назначения.

Перед нами стоял Палаццо Каттанео Адорно.

– Твои родители живут здесь?

– Палаццо был построен между 1583 и 1588 годами Лаццаро и Джакомо Спинолами. Впоследствии он перешел в собственность нашей семьи.

Она позвонила в дверь:

– Это я.

Массивная входная дверь гулко открылась. Своды атриума были декорированы фресками с изображением сражений.

– Тавароне, – сказала она. – Он расписал пол-Генуи. Это военные успехи Антониотто Адорно. Он был дожем Генуи в четырнадцатом веке. Участвовал в завоевании Кипра, а также в нескольких войнах с мусульманами в Тунисе и на Ближнем Востоке. Фрески, разумеется, были созданы гораздо позднее, в 1624 году, если не ошибаюсь. К тому времени славные дни Антониотто стали древней историей. Пошли, нам на второй этаж.

– Пиано нобиле, – сказал я.

– Называй как хочешь.

Широкая мраморная лестница была устлана ярко-красной ковровой дорожкой, латунные перила – начищены до блеска.

У дверей нас встречала мать Клио, миниатюрная хрупкая женщина, вся в жемчужно-сером, от волос до костюма и обуви. На шее блестело жемчужное ожерелье.

– Так, – сказала она, – значит, это он. И вправду настоящий викинг. Ладно, заходите.

Я протянул ей шоколадные конфеты «Виганотти», купленные мною по настоянию Клио. Она взяла их, не поблагодарив.

– «Виганотти», – сказала она. – Мой любимый шоколад. Ты хорошо его проинструировала, Клио. Продолжай в том же духе. Кофе?

Пока варился кофе, Клио показала мне дом.

Просторная гостиная с высокими окнами, выходящими на виа Гарибальди, была украшена потолочными росписями в том же стиле, что и фрески в атриуме.

– Это тоже Тавароне? – спросил я.

– Молодец, Илья, – сказала Клио. – Может, из тебя еще и выйдет толк. Это историческая встреча Антониотто Адорно и папы Урбана VI в Генуе.

– А нашу историческую встречу тоже отобразят на потолке?

– Для начала я бы на твоём месте немного похудела, Илья. Представь, как ты будешь выглядеть там, на высоте и в невесомости.

– Зрители поймут, что благодаря тебе у меня вырастают крылья.

Стены были увешаны десятками темных старинных картин в тяжелых позолоченных рамах. По словам Клио, большинство их являли собой произведения генуэзской школы, дополненные считаными работами венецианских и ломбардских художников на религиозные и мифологические сюжеты. Суровый пожилой мужчина оказался портретом предка кисти Ван Дейка. На серванте в серебряной рамке стояла фотография одетой в черное матери Клио, пожимавшей руку папе Иоанну Павлу II. В столовой висели натюрморты и бытовые сцены художников фламандской школы. Посередине лоснящегося дубового стола красовалась бронзовая скульптура лошади.

– Джамболонья, – сказала Клио.

Серебряные подсвечники Вирджилио Фанелли. Коллекция была богаче, чем во многих музеях.

– А что это за полотно?

Я указал на изображение угрюмого молодого человека в библейской одежде, с деревянным посохом, облокотившегося на ветхозаветную скалу. Картина была написана с выразительным применением светотени и, судя по всему, представляла собой большую ценность, поскольку занимала центральное место над камином.

– Наверняка кто-то из учеников Караваджо, – выпалил я наугад. И по-видимому, оказался не так далек от истины, ибо Клио многозначительно улыбнулась.

– Неплохо, – сказала она. – Теоретически ты прав. Только в данном случае картина принадлежит кисти самого мастера.

– Это Караваджо?

– Единственный в Генуе. Иоанн Креститель. Но я убеждена, что это одновременно и автопортрет. Караваджо был одержим Иоанном. Он часто отождествлял себя с ним. Самый интересный пример, пожалуй, – это изображение обезглавливания Иоанна, которое висит в одноименном соборе на Мальте. Караваджо подписал его кровью Иоанна. Написанная красной краской лужа крови плавно перетекает в подпись, сделанную той же красной краской.

– Я хотел бы его увидеть, – сказал я.

– Я тоже никогда не видела оригинал этой работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Боль несказанную вновь испытать велишь мне...» Вергилий. Энеида. Кн. II.
Пер. С. А. Ошеров. Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

2

Уильям Шекспир. Макбет. Пер. Б. Пастернака.

3

Вот (итал.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/pfeyffer_il-ya-leonard/grand-otel-evropa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)